ГЕРМАНІЯ.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА.

Г. ГЕЙНЕ.

(НАПИСАНА ВЪ 1844 Г.)

ПЕРЕВОДЪ **ЗАѢЗЖАГО.**

ПРОСМОТРѢННЫЙ **И. С. ТУРГЕНЕВЫМЪ**

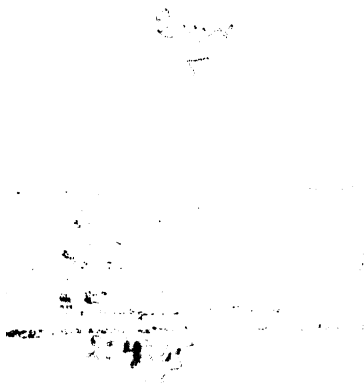
И ИСПРАВЛЕННЫЙ ПО ЕГО ЗАМѢЧАНІЯМЪ.

(Heine, Deutschland. Das Wintermärchen.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

1875.

Позволяемъ себѣ рекомендовать Русскимъ читателямъ предлежащій переводъ „путешествія въ Германію“, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній геніальнаго Гейнриха Гейне.

Распространяться о достоинствахъ этой поэмы — нечего: кому же она неизвѣстна и кто не знаетъ, что именно теперь, Гейне едва ли не самый популярный чужеземный поэтъ у насъ въ Россіи? — Пересадить этотъ яркій, душистый, — иногда слишкомъ душистый цвѣтокъ на родимую почву — было задачей не легкой; — но, на сколько мы

можемъ судить, переводчикъ исполнилъ ее и добросовѣстно и счастливо, что̀ не всегда совпадаетъ, замѣтимъ кстати.

Мы не сомнѣваемся, что трудъ нашего соотечественника будетъ встрѣченъ единодушнымъ одобреніемъ всѣхъ любителей истинной поэзіи, юмора и ума.

Иванъ Тургеневъ.

Парижъ.
Декабрь 1874.

Предисловіе Автора.*)

Поэма „Германія“ написана въ Январѣ 1844 г., въ Парижѣ, и подъ вліяніемъ тамошняго свободнаго воздуха нѣкоторыя строфы вышли слишкомъ рѣзки и оскорбятъ, можетъ быть, не одно щекотливое ухо. . . Утѣшаюсь мыслію, что и болѣе великіе авторы повинны такимъ же грѣхамъ. Не говорю объ Аристофанѣ, — тотъ былъ вѣдь завзятый язычникъ, да и аѳинская публика, хоть и классически образованная, — не отличалась примѣрною нравственностью. Скорѣе могу сослаться на Сервантеса и Мольера, такъ какъ первый писалъ для благороднаго дворянства обѣихъ Кастилій, а другой для Великаго короля и его Версальскаго двора. Но — мы живемъ въ крайне мѣщанскомъ вѣкѣ и

*) Съ нѣкоторыми сокращеніями противъ подлинника.

я предвижу съ сожалѣніемъ, что красавицы береговъ Шпрее и даже Альстера будутъ морщиться читая мою поэму. Еще съ бо́льшимъ прискорбіемъ слышу уже крики патріотическихъ фарисеевъ, идущихъ теперъ рука въ руку съ ценсурою .... „Какъ“, вопятъ они, „ты оскорбляешь даже наши національные цвѣта, измѣнникъ отечества, другъ Французовъ, которымъ ты готовъ отдать нашъ вольный Рейнъ!“ — Успокойтесь, я готовъ чтить и уважать ваше знамя, если оно будетъ того достойно, переставъ быть пустой или рабской игрушкой. Водрузите его на вершинѣ германской мысли, сдѣлайте его хоругвію всего свободнаго человѣчества, — и я охотно отдамъ за него лучшую кровь моего сердца. — Мое отечество — люблю я также горячо, какъ и вы. Ради этой-то любви выжилъ я тринадцать долгихъ годовъ въ изгнаніи; ради ее-то возвращаюсь туда снова и — можетъ быть навсегда, — безъ хныканья однако и жалкихъ гримасъ *). Я другъ Французамъ, столько

*) Гейне, какъ извѣстно, прожилъ съ 1830 г. — до самой своей смерти, почти безвыѣздно въ Парижѣ, будучи принужденъ оставить свое отечество, — благодаря преслѣдованіямъ правительства.

же, какъ и другъ всѣмъ людямъ, — когда они разумны и добры; потому что я не такъ золъ и глупъ самъ, чтобъ желать, чтобъ Германцы и Французы рѣзались между собою для выгоды кого бы то нибыло, и на радость юнкеровъ и поповъ всего міра. Успокойтесь! я не отдамъ Рейна Французамъ уже по той простой причинѣ, что Рейнъ принадлежитъ мнѣ по неотъемлемому праву рожденія; я свободнаго Рейна, еще болѣе свободный сынъ; на его берегахъ стояла моя колыбель, и я не вижу, почему Рейнъ долженъ бы принадлежать кому нибудь иному, какъ не роднымъ своимъ дѣтямъ. Эльзасъ и Лотарингію конечно не могу я закрѣпостить за Германіей такъ легко, какъ вы это дѣлаете; потому что жители этихъ областей душой привязаны къ Франціи ради правъ пріобрѣтенныхъ ими благодаря французской революціи, ради равноправности и свободныхъ угрежденій, столь любезныхъ гражданамъ, но помимо которыхъ желудки ихъ все таки требуютъ кое-чего и иного. — Поэтому Эльзасцы и Лотарингцы снова примкнутъ къ Германіи, какъ скоро вы довершите то, что начато Французами; если мы станемъ выше ихъ на *дѣлѣ*, какъ стоимъ выше въ области *мысли;*

если, дойдя до крайнихъ выводовъ, разрушимъ крѣпостничество въ послѣднемъ его убѣжищѣ въ небѣ; если живущаго на землѣ, въ человѣчествѣ Бога изведемъ изъ его униженія; если мы, бѣдный, лишенный доли счастья народъ, осмѣянный геній и опозоренную красоту возстановимъ въ подобающемъ имъ величіи, какъ тому учили, какъ о томъ воспѣвали всѣ наши великіе учители и поэты, и какъ того хотимъ мы, вѣрные ихъ ученики; тогда не только Эльзасъ и Лотарингія, но вся Франція будетъ наша; да, вся Европа, весь міръ — сдѣлаются германскими! Объ этомъ призваніи, объ этомъ всемірномъ владычествѣ Германіи я нерѣдко мечтаю, бродя подъ сѣнію родныхъ дубовъ. Это мой патріотизмъ! . . .

Гамбургъ
17 Сентября 1844 г.

Гейнрихъ Гейне.

Глава I.

Печальной ноябрской порою, когда
День кратче, мрачнѣй становился.
И вѣтеръ рвалъ листья послѣдніе, — я
Къ предѣламъ роднымъ возвратился.

И только на землю отчизны ступилъ,
Какъ сердце сильнѣе забилось,
И помнится даже невольной слезой
Нежданно лице оросилось.

Когда же коснулся ушей моихъ звукъ
Вновь рѣчи германской, родимой,
Разтаяло сердце въ груди моей вдругъ
Отъ сладости неизъяснимой.

То дѣвочка съ арфою пѣла, хотя
Фальшиво и слишкомъ высоко,
Но съ истиннымъ чувствомъ, — за то и былъ я
Игрой ея тронутъ глубоко.

Про счастіе пѣла любви, про тоску
Разлуки и радость свиданья
Тамъ, въ лучшей, иной сторонѣ, — на верху,
Гдѣ нѣтъ ни разлукъ, ни страданья.

Ту старую пѣсню о сладости жертвъ,
Небесную *эйяпопею,**)
Которой морочатъ ребенка-народъ,
Чтобъ гнулъ онъ покорнѣе шею.

Я знаю ту пѣсню, я знаю и кто
Ея сочинители были; —
Тянули тайкомъ они сами вино, —
А паству водою поили.

Нѣтъ, пѣсню другую, получше, новѣй
Спѣть, други, хочу вамъ теперь я;
Мы будемъ счастливѣй, мы будемъ умнѣй,
Отбросивъ гнилыя повѣрья.

Лѣнивому брюху мы ѣсть не дадимъ,
Что добыли дѣльныя руки,
И царство небесное здѣсь создадимъ
Себѣ мы безъ слёзъ и безъ муки.

---

*) „Баюшки-баю“, по гречески.

У щедрой кормилицы нашей — земли —
Для всѣхъ насъ довольно и хлѣба,
И миртовъ зеленыхъ, и розъ, и любви,
Къ чему торопиться на небо?

А впрочемъ, готовъ я туда полетѣть,
Лишь только бы крыльевъ дождаться;
И будемъ мы тамъ аллилуія пѣть
И въ райскихъ сластяхъ прохлаждаться.

Другую и лучшую пѣсню теперь
Споемте мы весело, дружно,
Псалмовъ покаянныхъ не надобно намъ,
Отходнаго звона не нужно.

Въ объятія дѣву Европу пріялъ
Свободы божественный Геній,
Уста ихъ слилися, и млѣютъ они
Въ восторгѣ желанныхъ мгновеній.

Законенъ союзъ ихъ, хотя не пришлось
Имъ звать ни попа, ни причета;
Да здраствуютъ вѣчно невѣста, женихъ
И все ихъ потомство безъ счета!

Такъ грянемъ веселую пѣсню, друзья,
Достойную брачнаго пира.
Въ груди моей свѣтлая всходитъ звѣзда,
Предвѣстница счастья и мира.

Свѣтила надежды живительный лучь
Огнемъ разливается въ жилахъ,
Я вдругъ богатырски сталъ свѣжъ и могучь,
Я дубы ломать былъ бы въ силахъ!

Едва я на землю отчизны ступилъ,
Лишь обнялъ я матерь родную,
Какъ древній Антей я въ себѣ ощутилъ
И мощь и отвагу былую.

Глава II.

Пока выводила чувствительно такъ
Арфистка рулады и трели,
Досмотрщики прусскіе мой чемоданъ
До ниточки весь осмотрѣли.

Всѣ вещи и платье мое, и бѣлье
Безбожно изрыли и смяли,
Вещей драгоцѣнныхъ и кружевъ они,
Да книгъ запрещонныхъ искали.

Глупцы! не найдете вы тамъ ничего,
Отъ васъ что хочу я, то скрою;
Моя контрабанда — въ моей головѣ,
Вожу ее всюду съ собою.

Мои кружева, хоть и тоньше они
Всѣхъ кружевъ на свѣтѣ — не рвутся, —
И если случится мнѣ ихъ развернуть
Повѣрьте, — вамъ колки придутся.*)

*) Въ подлинникѣ тутъ игра словъ; такъ какъ „Spitzen“ — означаетъ кружева и колючки.

Ношу въ головѣ самоцвѣтныхъ камней
И рѣдкихъ алмазовъ я много:
Убранства, сокровища храма они
Великаго, новаго бога.

И цѣлыя кипы есть книгъ у меня,
Таможни глазамъ незамѣтныхъ.
Полна, признаюсь вамъ, моя голова
Вся книгъ неценсурныхъ, запретныхъ.

Повѣрьте, что въ адской читальнѣ чертей
Опаснѣе книгъ не бывало,
Что бойкое Гофмана*) даже перо
Подобныхъ вещей не писало.

Тутъ рядомъ стоявшій со мной пассажиръ
Замѣтилъ на счетъ цольферейна,
Полезна какъ эта великая цѣпь
Для странъ всѣхъ и Эльбы и Рейна.

„Да-съ“, молвилъ, „тѣмъ важенъ таможный союзъ,
Что онъ во едино связуетъ
Разбитую родину; онъ лишь одинъ
Германіи цѣлость даруетъ.

*) Гофманъ фонъ Фалерслебенъ, — стихотворецъ далеко не изъ опасныхъ.

„Единство придастъ ей, хотя такъ сказать
Въ значеньи одномъ матерьяльномъ.
Ценсура, напротивъ, та можетъ намъ дать
Единство въ значеньи моральномъ.

„Ахъ, сударь! раздробность великое зло,
Что можетъ быть этого хуже!
Германіи нашей — спасенье одно:
Единство снутри и снаружи“.

Глава III.

Въ соборѣ старинномъ средь Ахена Карлъ
Великій въ гробу почиваетъ, —
Не Карлъ это Мейеръ; нѣтъ, въ Штутгартѣ тотъ
Здорово себѣ поживаетъ.

Въ могилѣ и съ Карломъ Великимъ лежать
Не сладко; на свѣтѣ бы этомъ
Хотѣлось мнѣ лучше хоть въ Штутгартѣ жить,
Хотя бы малѣйшимъ поэтомъ.

Здѣсь въ Ахенѣ скука такая, что васъ
Собаки всѣ просятъ: хоть ножкой
Пырните насъ, баринъ хорошій, авось
Насъ это разсѣетъ немножко.

Въ проклятомъ гнѣздѣ этомъ праздно бродя,
Въ тоскѣ я часъ цѣлый шатался.
Тамъ прусскихъ опять я увидѣлъ солдатъ,
Почти прежній видъ въ нихъ остался.

Какъ прежде все сѣрую носятъ шинель
И къ ней воротникъ тотъ же красный:
Французская кровь это, — Кёрнеръ пѣвалъ —
Бывало, боецъ этотъ страстный.

Педантскіе тѣже пріемы и видъ,
И всѣ угловаты движенья;
На лицахъ отсутствіе мысли, — во всемъ
Надутое лишь самомнѣнье.

Шагаютъ такъ прямо, не гнутся ни чуть,
Какъ будто въ себя проглотили
Ту палку, тотъ фухтель сержантскій они,
Которымъ ихъ встарь колотили.

Да, собственно фухтель еще не изчезъ,
Онъ спрятанъ внутри у солдата,
Хоть ласково „братцомъ“ зовется теперь,
Кто звался „скотиной“ — когда-то.

А нынѣшній усъ? да вѣдь это все тожь,
Что прежде косой называлось:
Усъ подъ носомъ нынче — все таже коса,
Что встарь за спиною болталась!

Мнѣ также понравился очень нарядъ
У конныхъ; — шишакъ ихъ блестящій —
И острый, стальной наконечникъ на немъ,
Воинственно кверху торчащій.

Все это уноситъ васъ въ рыцарскій вѣкъ,
Романтики въ вѣкъ поэтичный,
Что намъ воскрешала „мадамъ Монфоконъ,*)
Тикъ, Уландъ, Фуке такъ отлично.

Сближаетъ и съ нравами среднихъ вѣковъ,
Когда такъ въ сердцахъ обожали
Пажи своихъ дамъ, и цвѣтными себѣ
Гербами зады украшали.

Съ эпохой походовъ крестовыхъ, рѣзней
Безъ счета владыкъ и вассаловъ, —
Когда еще вѣра такъ пышно цвѣла —
И не было вовсе журналовъ.

Да, очень мнѣ нравится этотъ шишакъ,
Съ своимъ наконечникомъ, шпицомъ;
Премудрый король нашъ блеснулъ такъ остро
Своимъ высочайшимъ въ немъ *вицомъ!*

---

*) *Іоанна фонъ Монфоконъ*, — драма восхищавшая нѣкогда приверженцовъ романтизма.

Но только боюсь я, что если гроза
Нежданно ударитъ надъ нами,
Чтобъ молніи этотъ шишакъ не привлекъ,
Не плакались послѣ бы сами!

И если придется идти на войну
Въ такомъ головномъ украшеньи,
Не слишкомъ ли будетъ оно тяжело,
Въ немъ ловко-ль бѣжать со сраженья?

На вывѣскѣ здѣсь на почтовомъ дворѣ
Опять я ту птицу увидѣлъ,
Что смотритъ такъ злобно всегда на меня,
Что съ молоду я ненавидѣлъ.

О, гадкая птица! постой-же тебя,
Когда нибудъ ужь изловлю я,
И черныя перья тебѣ ощиплю
И кохти твои обрублю я.

Какъ чучело будешь, торча на шестѣ,
Сидѣть ты на выси свободной
И рейнскихъ я вольныхъ стрѣлковъ созову
Для этой потѣхи народной.

Кто мнѣ эту птицу на землю сшибетъ,
Корона тому, — честь и слава!
И тушь протрубимъ мы стрѣлку — молодцу,
И выкрикнемъ громкое браво!

Глава IV.

До Кельна доѣхавъ къ полночи почти,
Чуть Рейна заслышалъ журчанье,
Чуть воздухъ пахнулъ мнѣ родной стороны,
Какъ тотчасъ почуялъ вліянье —

Его на желудокъ. Поѣвъ вѣтчины
Съ яичницей очень соленой, —
Чтобъ жажду залить, я спросилъ и вина
Рейнвейна. Въ бутылкѣ зеленой.

Вино золотое такъ мило блеститъ
И руку къ себѣ такъ и манитъ;
А если ты выпьешь стаканчикъ, другой,
Такъ сладко тебя отуманитъ.

Согрѣетъ и тѣло и душу, и въ носъ
Пріятно покалывать станетъ.
На мѣстѣ тогда не сидится ни какъ,
Изъ комнаты вонъ такъ и тянетъ.

Сурово глядѣли кругомъ на меня
Старинныя сѣрыя зданья,
Какъ будто хотѣли повѣдать они
Мнѣ Кельна святаго преданья.

Да, нѣкогда здѣсь основало свое
Монашество темное царство,
Что Ульрихъ фонъ Гуттенъ намъ такъ описалъ, —
Духовныхъ корысть и коварство.

Здѣсь средневѣковый плясали канканъ,
Монахи, монахини славно,
А злобный Гохстратенъ*) строчилъ между тѣмъ
Доносъ за доносомъ исправно.

Огонь инквизиціи много пожралъ
Невинныхъ здѣсь жертвъ и звонили
При этомъ усердно съ высокихъ церквей
И *кириэлейсонъ* вопили.

Здѣсь дикая злоба, — вражда изъ за вѣръ —
Рождала кровавыя схватки;
И въ нынѣшнихъ Кельнцахъ замашекъ такихъ
Найдутся, пожалуй, остатки. —

*) У. фонъ Гуттенъ — поборникъ протестанства. Гохстратенъ — сторонникъ папизма въ первой половинѣ XVI-го столѣтія.

Но вотъ предомною чернѣетъ вдали,
При мѣсячномъ тускломъ сіяньи,
Какъ призракъ громадный, Собора глава,
Въ неясномъ своемъ очертаньи.

Бастиліей мысли былъ долженъ служить —
Твердыня — Соборъ, и въ народѣ
На радость папистовъ въ конецъ заглушить
Стремленье ко всякой свободѣ.

Вдругъ Лютеръ явился, и грозное: „стой!“
Онъ крикнулъ, — и чудо свершилось:
Постройка собора враждебнаго намъ
Негаданно тутъ прекратилась.

И это отлично, что стала на вѣкъ
Постройка заклятаго зданья,
Въ томъ наша и сила, и вѣрный то знакъ
Германіи нашей призванья

Къ протесту всегдашнему; тщетны съ тѣхъ поръ
Всѣ ваши подписки и сборы
И хлопоты членовъ — строителей; вамъ
Ни какъ не достроить собора.

Пусть въ пользу постройки великій Францъ Листъ
Въ концертахъ гремитъ и сверкаетъ,
Пусть даже и самъ нашъ Ораторъ-Королъ
Свое краснорѣчье являетъ.

Собора не кончить, повѣрьте, никакъ,
Хотя нагруженный камнями
Огромный корабль для постройки его
Въ Кельнъ Швабы отправили сами.

Не кончить постройки собора во вѣкъ,
Хоть крикомъ меня оглушаютъ
Вороны и совы, что въ башняхъ церквей
Охотно издревле витаютъ.

Да, времячко даже уже настаетъ,
Что вмѣсто его окончанья,
Едва ли конюшнею быть не рѣшатъ
Священному этому зданью.

„А что же прикажете сдѣлать тогда
Съ великою нашей святыней,
Съ мощами царей-трехъ восточныхъ? всегда
Кельнъ славился ими какъ нынѣ“.

Толкуютъ мнѣ Кельнцы; а я имъ на то:
Да въ чемъ же, скажите, сомнѣнье?
Въ нашъ вѣкъ, слава Богу, мощамъ можно дать
Другое совсѣмъ помѣщенье.

Свалите ихъ въ Мюнстрѣ, въ тѣ клѣти, что тамъ
Висятъ ужь такъ долго, публично,
На башнѣ Ламберти*); повѣрьте, царямъ
Всѣмъ тремъ будетъ тамъ преотлично.

И если не хватитъ въ нихъ кости какой,
Возьмите другаго скелета,
Взамѣну восточнаго, — западный царь,
Любой пригодится на это.

---

*) Тамъ хранятся до сихъ поръ кости сожженныхъ въ 1535 г. предводителя Анабаптистовъ, Іоанна Лейденскаго и двухъ его сообщниковъ.

Глава V.

Когда же до рейнскаго мосту дошелъ,
Минуя прибрежныя зданья,
Я Рейнъ тутъ увидѣлъ; сверкая катилъ
Онъ волны при лунномъ сіяньи.

„Здорово-ль, о старецъ! мой батюшка — Рейнъ?
Забылъ ты чай вовсе о сынѣ;
А онъ-то какъ часто тебя вспоминалъ,
Въ изгнаньи своемъ, на чужбинѣ!“

Къ рѣкѣ говорилъ я, и вдругъ въ глубинѣ
Послышались странные тоны,
Какъ будто бы старческій кашель, за нимъ
Ворчанье и тихіе стоны.

„Здорово, молодчикъ, мнѣ любо, что ты
Еще старика уважаешь;
Долгонько гулялъ ты, а мнѣ безъ тебя
Жилось-то какъ плохо, не знаешь.

„Былъ въ Бибрихѣ долженъ я камни глотать:
Не ѣлъ ничего ихъ я хуже! —
Но Никласа Беккера*), право, стихи
Желудку пришлись еще туже.

„Какъ юную дѣву меня онъ воспѣлъ
На утреннемъ жизни разсвѣтѣ,
Которой невинности будто никто
Еще не похитилъ на свѣтѣ.

„Заслышу ли эту я глупую пѣснь
Сѣдой бородой удавиться
Хотѣлъ бы; иначе готовъ, такъ сказать,
Въ самомъ бы себѣ утопиться!

„Что я не дѣвица невинная, нѣтъ,
Давно то Французы узнали;
Французы такъ часто мнѣ въ струи-свои
Побѣдныя воды вливали.

---

*) *Никласъ Беккеръ* — авторъ извѣстнаго стихотворенія „Rheinlied," — направленнаго противъ Рейнскихъ Пѣсень Альфреда де-Мюссе и другихъ подобныхъ притязаній французскаго шовинизма на берега Рейна.

„О, глупая пѣсня! о глупый поэтъ!
Къ чему былъ мнѣ гимнъ его нуженъ?
Выходитъ, что я политически имъ
Подъ старость совсѣмъ оконфуженъ.

„За тѣмъ, что вернися Французы опять,
Я долженъ краснѣть передъ ними,
Я, небо усердно молившій не разъ,
Чтобъ берегъ мой занятъ былъ ими.

„Мнѣ были любезны и милы всегда
Веселые эти Французы; —
Все такъ ли безпечны и живы они,
Все тѣ-ли же носятъ рейтузы?

„Хотѣлось бы свидѣться съ ними опять,
Да глупая пѣсна помѣха,
За тѣмъ, что боюся и сплетень людскихъ,
И злобныхъ намековъ, и смѣха.

„Пожалуй еще и Альфредъ де-Мюссе,
Мальчишка, нагрянетъ къ намъ въ гости,
И будетъ читать мнѣ, стуча въ барабанъ,
Свои онъ стишонки со злости!“

Такъ жалобно плакался бѣдный старикъ,
Почти обливаясь слезами
И гнѣваясь сильно; старался унять
Я лаской его и словами.

О, батюшка милый! не бойся, сказалъ
Я, злобныхъ насмѣшекъ Французовъ,
Они совершенно другіе теперь:
Не носятъ и прежнихъ рейтузовъ.

Не бѣлы, а красны теперь ихъ штаны,
Да къ нимъ ужь другіе пришили
И пуговки даже; въ раздумьи совсѣмъ
Они и носы опустили.

И стали философы злые они,
Имъ милы Кантъ, Фихте и Гегель,
Пьютъ пиво какъ нѣмцы и курятъ табакъ,
Охотники даже до кегель.

Филистрами стали, не хуже чѣмъ мы,
И всѣ Волтерьянцы пропали
Давно между ними; какое, они
Теперь Генкстенбергцами стали!

Альфредъ де-Мюссе, хоть все тотъ же шалунъ,
Все прежній мальчишка несносный;
Но только не бойся, привяжемъ ему
Языкъ мы его вредоносный.

Но еслибы этотъ насмѣшникъ посмѣлъ
Еще въ чемъ нибудь провиниться,
И мы пораскажемъ, какъ часто ему
У дамъ приходилось срамиться.

И такъ успокойся ты, батюшка Рейнъ,
Забудь про негодника злого;
Ты пѣсню другую услышишь теперь,
Прощай, мы увидимся снова!

Глава VI.

У Паганини водился всегда
Свой Spiritus familiaris,
То въ видѣ собаки, то въ видѣ людскомъ:
Онъ звался тогда Георгъ Гаррисъ.*)

Герой Аустерлица имѣлъ своего
Зловѣщаго краснаго гнома,
Что демонъ Сократу совѣты внушалъ
Преданье кому не знакомо?

Подобное нѣчто случалось со мной:
Работой когда увлекался,
И ночью сидѣлъ я одинъ у стола, —
Невѣдомый *нѣкто* являлся.

---

*) *Георгъ Гаррисъ* — гановерскій уроженецъ, беллетристъ, написавшій нѣсколько комедій; но болѣе извѣстный тѣмъ, что былъ долгое время спутникомъ *Паганини* и завѣдывалъ его кассою.

Приземистъ, окутанъ плащомъ, и подъ нимъ
Какъ будто все что-то скрываетъ,
Что лишь распахнется пола, какъ топоръ,
Готовый для казни сверкаетъ.

Безмолвно, недвижно я чую стоитъ
Мой гость у меня за плечами,
И мнѣ не мѣшаетъ, но зорко слѣдитъ
За мною, какъ звѣзды, глазами.

Не мало годовъ миновало съ тѣхъ поръ,
Какъ наши прервались свиданья, —
И вотъ онъ нежданно явился опять
Мнѣ въ Кельнѣ при лунномъ сіяньи.

По улицамъ соннымъ я шелъ одинокъ,
Въ раздумьи, полночью глухою,
Все было безлюдно и тихо вокругъ, —
Гляжу я — и вдругъ онъ за мною.

Лишь стану въ пути я, — какъ станетъ и онъ,
Пойду я, и снова упорный
Все слѣдомъ за мною идетъ; — такъ дошли
До площади съ нимъ мы соборной.

Не выдержалъ я и къ нему обратясь,
Вскричалъ, что ты ходишь за мною,
Какъ тѣнь безотвязно, въ полночной тиши,
Пустынною этой порою?

Ты вѣчно являешься мнѣ въ тѣ часы,
Когда на душѣ пламенѣютъ
Завѣтныя чувства, когда въ головѣ
Какъ молніи помыслы рѣютъ.

Ты кто и откуда явился, скажи,
Пришелецъ, невѣдомый міру? —
И кроешь подъ длиннымъ плащемъ для чего
Блестящую грозно сѣкиру?

Но онъ не смущаясь, спокойно въ отвѣтъ
Промолвилъ, какъ нехотя будто:
„Къ чему же ты такъ горячишься? За чѣмъ
Со мной говоришь такъ надуто? —

„Не выходецъ я изъ подземныхъ могилъ,
Не пугало я гробовое;
Риторики, фразъ ужъ куда не люблю,
Созданье я очень простое.

„Всегда отъ природы практиченъ и тихъ,
И по́пусту словъ не теряю;
Но знай, что задумалъ ты въ тайнѣ души
На дѣлѣ я то совершаю.

„Ты мой повелитель, а я твой слуга,
Покорный во всемъ, молчаливый,
И твой приговоръ я исполню всегда, —
Будь онъ — не вполнѣ справедливый.

„Предъ консуломъ римскимъ съ сѣкирой всегда
Шелъ ликторъ, — закона грозою;
Ты ликтора также имѣешь, но онъ —
Лишь слѣдомъ идетъ за тобою.

„Такъ, ты мой владыко, а я ликторъ твой
И воли твоей исполненье
На дѣлѣ и въ жизни; пойми же поэтъ, —
Я мысли твоей воплощенье!“

Глава VII.

Вернувшись домой, я такъ сладко заснулъ,
Какъ добрымъ уложенный духомъ.
Въ перинахъ нѣмецкихъ пріятно соснуть,
Набиты когда онѣ пухомъ.

Объ этихъ перинахъ я часто мечталъ,
Когда не смыкалися очи,
Когда я на жесткихъ матрацахъ лежалъ
Изгнанья въ безсонныя ночи.

Дарятъ намъ такіе чудесные сны
Пуховыя наши перины;
Свободою полной въ нихъ дышетъ душа,
Во снѣ — мы судьбы властелины.

Во снѣ залетимъ мы богъ ни вѣсть куда,
Тутъ только вполнѣ мы счастливы;
И какъ величавъ нашъ полночный полетъ,
Какъ нѣмцы во снѣ горделивы!

Не рѣдко мы смѣлымъ полетомъ самихъ
Безсмертныхъ боговъ устрашали;
Не рѣдко размахами крыльевъ своихъ
Съ небесъ мы и звѣзды сшибали.

Русь, Франція мощны на твердой землѣ,
Британіи — море покорно,
А нѣмцы — въ пространствахъ воздушныхъ царятъ,
Здѣсь первенство наше безспорно.

Здѣсь мы не раздроблены, здѣсь мы сильны,
И въ стройное царство сложились;
Другіе народы мнѣ жалки, — они
На плоской землѣ разселились. — —

Заснулъ я, и снилось что снова иду
По улицамъ, будто, безлюднымъ
Стариннаго Кельна въ ночной тишинѣ,
При лунномъ сіяніи чудномъ.

И будто бы слѣдомъ мой спутникъ опять,
Столь чуждый и вмѣстѣ знакомый;
Усталъ я, но все подаюся впередъ, —
Невѣдомой силой влекомый.

Идемъ мы все далѣ, и сердце мое
Какъ будто зіяя открылось —
Изъ раны глубокой въ груди у меня
Кровь капля за каплей катилась.

Я въ алую кровь мою пальцы мокалъ
И ею на домахъ нерѣдко,
Минуя ихъ двери, въ прогулкѣ ночной
Кровавую ставилъ отмѣтку.

И странно, едва лишь любой изъ домовъ
Такъ кровью моей отмѣчался, —
Какъ гдѣ-то далеко, печально звеня,
Отходный звонокъ раздавался.

Погасла межъ тѣмъ золотая луна
И своды небесъ потемнѣли;
Какъ черные кони по нимъ облака
Гонимыя вѣтромъ летѣли.

Мы съ спутникомъ страннымъ все далѣ идемъ —
И снова на площадь пришли мы.
Растворены видимъ широко врата
Собора, — и ими вошли мы.

Подъ сводами зданья громаднаго смерть
И мракъ и безмолвье царило;
Лампады едва лишь мерцали кой-гдѣ,
Чтобъ свѣта отсутвіе было

Виднѣе. — Иду между темныхъ колоннъ —
И слышу лишь гулъ за собою
Шаговъ неотступнаго спутника, все
Онъ слѣдуетъ вѣрно за мною.

И вотъ наконецъ мы до мѣста дошли,
Гдѣ яркимъ все блескомъ горѣло
Свѣчей, позолоты, камней дорогихъ:
Была трехъ-царей то капелла.

И чтоже? Восточные эти цари,
Которые въ ракахъ лежали
Такъ долго недвижны, — ожившіи теперь, —
На крышахъ гробницъ возсѣдали.

На ветхихъ костяхъ фантастичный нарядъ:
Парчей золотою одѣты,
Подъ царской короной, со скиптромъ въ рукахъ,
Сидѣли сухіе скелеты.

Какъ чучелы въ пышныхъ уборахъ своихъ
Изсохшіе члены вращали,
И тлѣнья и ладана смѣсью они —
Признаться, противно воняли.

Одинъ къ удивленью являть даже сталъ
Свое въ краснорѣчьи умѣнье;
Предлинно, прескучно онъ мнѣ толковалъ
За чѣмъ моего ждетъ почтенья.

Во первыхъ за тѣмъ, что мертвецъ; во вторыхъ
Что въ жизни царемъ онъ считался,
А въ третьихъ еще, что слыветъ онъ святымъ; —
Всѣмъ тѣмъ я не тронутъ остался.

Взялъ смѣхъ меня право, и я отвѣчалъ:
Не силенъ ты братъ въ убѣжденьяхъ;
Какъ вижу, прошедшему времени ты
Во всѣхъ подлежишь отношеньяхъ.

Прочь, прочь убирайтесь; въ могилѣ сырой
Костямъ вашимъ мѣсто валяться.
Сокровища этой часовни еще
На пользу живыхъ пригодятся.

Здѣсь конница станетъ грядущихъ временъ,
Что будутъ отраднѣй, свѣтлѣе,
А ваши истлѣвшіе остовы мы
Повыбросимъ вонъ не жалѣя.

Сказавъ, обернулся къ тому я, кто шелъ
За мною, — и въ тоже мгновенье —
Топоръ его страшнымъ отливомъ блезнулъ, —
И понялъ мое онъ велѣнье.

И разомъ приблизясь къ троимъ мертвецамъ,
Къ предмету почтенья и страха
Людскихъ суевѣрій, — онъ остовы ихъ
Сѣкирой разрушилъ съ размаха.

Ударъ безпощадно разящей руки
По сводамъ какъ громъ прокатился,
Забила горячимъ ключемъ моя кровь
Изъ сердца — и я пробудился.

Глава VIII.

Отъ Кельна до Гагена стоитъ проѣздъ
Пять талеровъ съ третью въ дормёзѣ;
Но были ужъ заняты всѣ въ немъ мѣста
И сѣлъ я въ открытомъ *бейшезѣ*.

Сырое, осеннее утро, туманъ,
Карета въ грязи утопаетъ
И тащится тихо, — но сердце мое
Отъ радости такъ и играетъ.

Я чую здѣсь воздухъ родной стороны,
Я счастливъ быть долженъ вдыхая
Его, и хоть грязь здѣсь густа и липка,
Да грязь-то вѣдь это — родная!

Такъ ласково кони махали хвостомъ,
Какъ будто со мною вѣкъ знались;
Плодомъ золотымъ Аталанты мнѣ ихъ
Навозные комья казались.

Проѣхали Мюльгеймъ; хорошъ городокъ,
Такъ милъ, такъ отраденъ онъ нервамъ —
Своей чистотою. Я былъ еще въ немъ
Весной, въ восемсотъ тридцать первомъ.

Тогда все цвѣло и смѣялось кругомъ,
На солнышкѣ птички такъ пѣли
Отрадно; а люди, надѣясь тайкомъ,
Довѣрчиво, бодро смотрѣли.

Они помышляли: вотъ скоро отсель
Прогонимъ дворянъ мы въ затылокъ,
И кубокъ прощальный мы имъ поднесемъ
Изъ длинныхъ желѣзныхъ бутылокъ.

А вмѣсто ихъ радость-свобода придетъ
Съ хоругвью трехцвѣтной; настанетъ
Счастливое время, изгнанникъ герой
Изъ гроба чудесно возстанетъ. —

Ни чуть не бывало: дворяне все тутъ;
Они ни о чемъ не тужили;
А многіе были что худы какъ тѣнь
Себѣ и брюшко отрастили.

Они поживаютъ отлично теперь,
Какъ праздные псы разжирѣли,
Народнымъ винцомъ угощаются такъ,
Что даже носы покраснѣли — — —

Богиня свободы же очень больна,
И ногу себѣ изломила;
Трехцвѣтное знамя ея и со стѣнъ
Парижа виситъ такъ уныло.

Изъ гроба хоть точно вставалъ Бонапартъ,
Но черви его источили
Британскіе, — такъ что въ могилу опять
Французы его уложили.

Я самъ очевиднымъ свидѣтелемъ былъ
Какъ пышно везли его тѣло;
Статуи побѣдъ, колесница и гробъ
Все золотомъ такъ и горѣло.

Везли его вдоль Елисейскихъ Полей
Вратами Звѣзды, въ непогоду,
Сквозь дождикъ и снѣгъ; но поѣзъ окруженъ
Былъ густо толпами народу.

На холодѣ рѣзкими звуками такъ
Валторны и флейты сипѣли,
Орлы со штандартовъ измокшихъ на насъ
Угрюмо насупясь глядѣли.

И люди, вперяя потерянный взоръ,
На шествіе въ недоумѣньи
Смотрѣли; предъ ними воскресло опять
Имперіи славной видѣнье.

Изъ глазъ моихъ слёзы невольно текли,
Болѣзненно грудь колыхалась,
Когда громоносное: Vive l'Empereur!
Средь общей тиши раздавалось.

Глава IX.

Безъ четверти въ восемь оставивши Кёльнъ,
Мы въ Гагенѣ въ три очутились,
И здѣсь для трапезы обѣденной мы
На часикъ — другой пріютились.

Ужъ столъ былъ накрытъ. Тутъ почувствовалъ я,
Что мы уже въ сердцѣ владѣній
Германскихъ, — по строгому выбору блюдъ
И сладости ихъ испареній.

Съ зеленой капустой каштаны, какъ я
Издѣтства ѣдалъ ихъ не мало,
И въ маслѣ топленомъ родная треска,
Какъ въ домѣ отцовскомъ бывало.

Отечество свято для всякой души
Честно, благородно рожденной. —
Я также яичницу очень люблю,
Съ поджаренной сельдью копченой.

Какъ вкусно сосиски шипѣли въ жиру!
Дрозды какъ младенцы лежали
Въ постелькахъ изъ яблочной пѣны, — и мнѣ
Какъ будто: „здорово!“ шептали,

„Здорово, голубчикъ, ты гдѣ погулялъ? —
Ты долго гостилъ за границей,
И вѣрно тамъ въ тѣсной ты дружбѣ живалъ
Съ заморскою разною птицей“.

Индюшка, красуясь на блюдѣ большомъ,
Стояла тутъ рядышкомъ тоже:
Она можетъ статься любила меня,
Какъ были мы оба — моложе.

Теперь же, бѣдняжка, значительно такъ,
Задумчиво, грустно глядѣла:
Имѣла знать нѣжную душу она, —
Но только — прежесткое тѣло!

Подъ листомъ лавровымъ была подана
Еще голова намъ свиняя:
Въ Германіи лавромъ свиней украшать
Издавна привычка большая.

Глава X.

За Гагеномъ вскорѣ застигла насъ ночь,
И тутъ какъ-то странно продрогъ я:
Желудокъ озябъ. Только въ Унну прибывъ
Въ трактирѣ согрѣть его могъ я.

Красивая дѣвочка встрѣтила насъ
И пуншемъ тотчасъ угостила;
Льномъ мягкимъ вились у нее волоса,
И глазки свѣтились премило.

Акцентъ шепелявый Вестфальскій звучалъ
Мнѣ въ ухо такъ нѣжно, пріятно;
Клубившійся пуншъ мнѣ напомнилъ о дняхъ,
Умчавшигся въ даль безвозвратно.

Вестфальцы мнѣ милы; въ Геттѝнгенѣ я
Такъ дружески съ ними сходился,
За пуншемъ бывало къ нимъ падалъ на грудь
И съ ними-жъ подъ столъ я катился.

Я добрыхъ Вестфальцовъ душою любилъ
Всегда. Нѣтъ въ нихъ тѣни жеманства,
Во всемъ прямодушны, открыты они,
Далеки притворства и чванства.

Бывало сойдясь на менсурѣ, какъ львы
Ни шагу назадъ не давали,
И терцы и кварты такъ честно свои
Другъ другу съ плеча отпускали.

Да, бьются здорово, здорово и пьютъ;
Когда же на *брудершафтъ* чокнутъ,
То даже у этихъ могучихъ дубовъ
Глаза отъ сочувствія мокнутъ.

Храни тебя небо, дебелый народъ,
Умножь твои хлѣбы и травы,
Но паче, избавь отъ великихъ людей,
Геройскихъ дѣяній и славы.

Сынамъ твоимъ бравымъ и честнымъ подай
Всегда благосклонный экзаменъ;
А дочкамъ — скорѣй женихов посылай,
Веди подъ вѣнецъ ихъ и — *amen!*

Глава XI.

Вотъ лѣсъ Тевтобургскій, что Тацитомъ намъ
Описанъ такъ вѣрно и живо;
Вотъ тѣ знаменитыя топи, гдѣ Варъ
Съ войсками погибъ несчастливо.

Отвагу здѣсь мощную онъ испыталъ
Херусскаго храбраго князя,
Побѣду Германскій народъ одержалъ
Вотъ въ этой классической грязи.

Когда бы нашъ доблестный Германъ не взялъ
Здѣсь верхъ надъ отчизны врагами,
Германіи не было-бъ вовсе теперь, —
Мы были бы Римляне сами.

Въ Германіи римское было бы все:
Обычай, языкъ, одѣянье;
Весталки водились бы въ Мюнхенѣ, Швабъ —
Квирита носилъ бы названье.

Гаруспексомъ былъ бы у насъ Генкстенбергъ,
Судьбу по бычачьимъ кишкамъ
Онъ ловко пророчилъ-бы; птичій полетъ
Неандръ толковалъ бы намъ самъ.

Бирхъ-Пфейферъ съ утра выпивала-бъ стаканъ
Усердно большой терпентина,
Какъ римскія дамы; — у нихъ оттого
Пріятнѣе пахла урина. —

И не былъ бы Раумеръ нѣмецкая дрянь,
Онъ былъ бы латинскій *Дрепяцій;*
Безъ рнѳмъ измышлялъ бы стихи Фрейлигратъ
Какъ въ древности Флаккусъ Горацій.

А грубый-то нищенка, батюшка Янъ,
Тотъ былъ бы не Янъ — *Грубіянусъ.*
Mehercule! Масманъ нашъ зналъ бы латынь
И звался-бъ Маркъ Туллій *Масманусъ.*

Со львами, съ медвѣдями правды друзья
Дрались бы, подобно атлетамъ —
Въ аренахъ открытыхъ, чѣмъ изъ за угла
Ругаться по мелкимъ газетамъ.

Царилъ бы надъ нами одинъ лишь Неронъ,
Смѣстивъ тридцать шесть королишекъ;
Вскрывали бы въ ваннахъ мы жилы себѣ
За всякій въ свободѣ излишекъ.

Точь въ точь какъ Сенека погубленъ бы былъ
Нашъ Шеллингъ, такимъ же эдиктомъ;
Корнеліусу говорили бы мы:
„Cacatum non est pictum!“

Но слава Всевышнему! Германъ побилъ,
За Альпы враги отступили,
Съ орлами своими Варъ жалко погибъ,
И Нѣмцы все Нѣмцы — какъ были!

Такіежъ мы Нѣмцы, какъ были и встарь,
Все также въ латыни мы слабы,
Не asinus — Esel зовется оселъ,
И Швабами — добрые Швабы.

По прежнему Раумеръ нѣмецкая дрянь, —
Не дастъ ему крестъ превосходства; —
Въ стихахъ Фрейлиграта съ Гораціемъ все
Не видно малѣйшаго сходства.

И Масманъ, по счастью, въ латыни все плохъ,
Бирхъ-Пфейферъ однѣ пишетъ драмы, —
Не тянетъ она на тощакъ терпентинъ,
Какъ римскія модныя дамы. —

О, Германъ великій! спасибо тебѣ,
Что Нѣмецъ все Нѣмцомъ остался;
Въ Детмольдѣ и ставятъ тебѣ монументъ,
Я самъ на него подписался.

Глава XII.

Средь лѣсу и ночью ползетъ дилижансъ;
Вдругъ хрястнуло что-то ужасно, —
Сломалось у насъ колесо пополамъ,
Не слишкомъ-то это прекрасно.

Слезаетъ тутъ съ козелъ долой почтальонъ,
Бѣжитъ на село, остается
Покорный слуга вашъ въ лѣсу одинокъ,
Вокругъ него вой раздается.

То воетъ голодная стая волковъ,
Зубами отъ злости щелкаютъ.
Какъ уголья блещутъ кругомъ огоньки:
Глаза это волчьи сверкаютъ.

Наслышались много они обо мнѣ
И, значитъ, устроили вѣрно
Съ такимъ освѣщеньемъ почетный пріемъ,
И этотъ концертъ ихъ прескверный

Мнѣ въ честь серенада! — Не зналъ я еще
Столь нѣжную волчью натуру,
И сдѣлавъ рукою ораторскій знакъ,
Въ приличную сталъ позитуру.

„Со-волки!“ сказалъ: „я безмѣрно счастливъ,
Что столько меня окружаютъ
Друзей благородныхъ и всемъ такимъ
Мнѣ чувства свои выражаютъ.

„Да, память объ этой пріятной ночи
Я буду хранить неизмѣнно;
Столь лестная встрѣча останется мнѣ
До смерти самой незабвенна.

„Повѣрьте, глубоко признателенъ я
За знаки такого довѣрья;
И въ счастьи и въ горѣ на васъ, господа,
Готовъ положиться теперь я.

„Со-волки! надѣюсь, что вы никогда
Нелѣпымъ не вѣрили вракамъ
Обманщиковъ низкихъ, что ходятъ твердя,
Другъ будто бы сталъ я собакамъ.

„Что будто намѣренъ къ овцамъ поступить
Въ гофраты я; слухъ этотъ вздорный
Не стоитъ отвѣта — и спорить о немъ
Мнѣ было-бъ обидой позорной.

„Хоть теплую шубу овечью носить,
Признаться, люблю я зимою; —
Но честью клянусь вамъ, что благо овецъ
Считаю я вещью пустою.

„Не другъ я собакамъ, не другъ я овцамъ,
Поймите вы милые толкомъ;
Всегда буду вѣренъ вамъ тѣломъ, душой,
Вѣкъ истымъ останусь я волкомъ.

„Охотно готовъ я по волчьи и выть,
Какъ жить приведется съ волками.
Прощайте покамѣстъ; будь въ помощь вамъ Богъ!
Да плохи не будьте же сами!“

Такую-то рѣчь я экспромптомъ сказалъ,
Иного не видя спасенья;
Кольбъ*) тиснулъ въ газетѣ ее, — изказнивъ,
Безъ всякаго къ правдѣ почтенья.

*) Бывшій въ 40-хъ годахъ издатель Аугсбургской Газеты.

Глава XIII.

Надъ Падерборномъ ужъ солнце взошло,
Но какъ-то печально глядѣло;
Свѣтить да свѣтить вѣкъ свой глупой землѣ
Куда не веселое дѣло!

Лучомъ освѣтивъ половину одну,
Едва лишь другой достигаетъ, —
Какъ въ первой уже за свѣтиломъ во слѣдъ,
Опять темнота наступаетъ.

Надъ камнемъ напрасно трудится Сизифъ,
Бездонная бочка Данаидъ
Не будетъ полна, и свѣтило вотще
Дневное нашъ шаръ обѣгаетъ! — —

Рѣдѣютъ туманы и первымъ лучомъ
Блеснувшей зари освѣщенъ —
Вотъ крестъ съ изваяньемъ того, кто на немъ
Неправедно былъ пригвожденъ.

Прискорбно стѣсняется сердце мое
При видѣ твоемъ, Назарей!
Мечтатель, безумецъ божественный, — все,
Забывшій для блага людей!

Совѣтъ Фарисейскій коварно, безбожно
На гибель тебя осудилъ. —
За чѣмъ же такъ смѣло, такъ неосторожно
Ты равенству, братству училъ?

Не былъ по несчастью во время твое
Извѣстенъ печатный станокъ,
Особою книжкой ученье свое
Пустить бы вѣрнѣе ты могъ.

Цензура, приличіе нравовъ любя,
Смарала бы много въ ней мѣстъ,
Какъ нѣжная мать охраняя тебя —
И ты не попалъ бы на крестъ!

Какъ жаль, что съ талантомъ твоимъ и умомъ
Не взялъ ты для рѣчи нагорной
Хоть текста другого, чтобъ легче потомъ
Сойтись съ синагогой упорной.

Сплеча бичевалъ ты обманъ и порокъ,
За что и прослылъ вольнодумцемъ;
Былъ преданъ, поруганъ и распятъ въ урокъ
Подобнымъ грядущимъ безумцамъ!

Глава XIV.

Сырая погода, окрестность бѣдна,
Плетемся мы грязью насплу,
Но въ сердцѣ моемъ и звучитъ и поетъ:
„О, солнышко, ты уличило!“

То пѣсни старинной знакомый припѣвъ,
Что въ дѣтствѣ мнѣ няня пѣвала.
Какъ сладкое эхо въ душѣ отдалось:
„Уликой ты, солнышко, стало!“

Въ той пѣснѣ поется, что жилъ — былъ злодѣй —
Убійца, — невинныхъ счастливѣй;
Но разъ увидали — въ дремучемъ лѣсу
Висѣлъ онъ качаясь на ивѣ.

Судилищемъ тайнымъ наказанъ злодѣй,
Его осужденіе было
Прибито къ той ивѣ, на коей висѣлъ:
„О, солнышко, ты уличило!“

Свѣтъ-солнышко судьямъ злодѣя открылъ,
Убійцу привелъ къ осужденью,
Оттилья взывала въ предсмертный свой часъ:
„О, солнышко, будь мнѣ отмщенье!“

Мнѣ старую няню напомнилъ припѣвъ
И съ нею — всѣ дѣтства картины,
И вижу такъ живо я старческій ликъ,
Волосъ сѣдину и морщины.

Она родилася въ Вестфальской странѣ,
Близь Мюнстра, и много преданій,
Разсказовъ старинныхъ я съ дѣтскихъ годовъ
Отъ доброй наслышался няни.

Какъ сердце стучало мое какъ начнетъ
Про царскую дочь зачастую,
Что въ полѣ пустынномъ сидѣла одна,
Да косу чесала златую.

Она стерегла на чужбинѣ гусей,
Когда-жъ ввечеру проходила
Назадъ въ городскія ворота, она
Глаза поднимала уныло.

За тѣмъ, что надъ сводомъ у этихъ воротъ
Печально съ гвоздя опускалась
Той лошади снятая съ плечь голова,
Что съ родины съ нею примчалась.

Дѣвица, вздыхая: о — охъ! что висишь,
О, Фаллада, ты! восклицала.
Въ отвѣтъ голова ей съ высокихъ воротъ:
О — охъ! ты зачѣмъ убѣжала!

И царская дочь воздохнувши опять:
О — охъ! еслибъ матушка знала!
Въ отвѣтъ голова ей съ высокихъ воротъ:
О — охъ! въ ней бы сердце упало!

Не двигался съ мѣста, не смѣлъ я дохнуть,
Когда о любимомъ народомъ, —
Понизивъ вдругъ голосъ, — начнетъ говорить,
О Фридрихѣ-Краснобородомъ —

Старушка. Она увѣряла меня,
Что живъ Императоръ по нынѣ;
Но только сокрылся онъ съ войскомъ въ горѣ,
Въ лѣсистой, безвѣстной пустынѣ.

Гдѣ скрытъ онъ — Кифгейзеръ зовется гора,
Пещеру она заключаетъ, —
И тамъ подъ землею есть множество залъ,
Лампадный ихъ свѣтъ озаряетъ.

И первая зала — конюшня; коней
Тамъ многія сотни; рядами
Стоятъ онѣ въ збруѣ своей боевой
Подъ длинными всѣ чепраками.

Осѣдланы, взнузданы къ бою совсѣмъ,
И къ масти подобраны ровно, —
Однако стоятъ неподвижно они,
Изъ бронзы какъ вылиты словно.

И воиновъ тысячи въ залѣ второй:
Въ стальныя закованы латы,
Недвижно лежатъ на соломѣ и тѣ —
Всѣ сномъ богатырскимъ объяты.

Лежатъ, не шелохнутся сколько вѣковъ —
Готовые къ бою солдаты,
И все молодцы, всѣ одинъ къ одному:
Воинственны, мощны, брадаты!

А третья палата — оружьемъ полна.
Высокой тамъ сложены кучей:
Сѣкиры, пищали, мечи, булавы —
Доспѣхи для длани могучей.

Хоть пушекъ не много, — но есть — и средъ нихъ
Трехцвѣтное высится знамя,
На древкѣ серебряномъ, — черно-желто
И красно, какъ яркое пламя.

Въ четвертой же залѣ самъ Фридрихъ живетъ.
Рядами вѣка пронеслися,
А онъ все на каменномъ стулѣ сидитъ,
На каменный столъ опершися.

Красна какъ огонь у него борода
Сквозь столъ до земли проростаетъ,
И временемъ хмуритъ онъ брови свои
И временемъ глазомъ моргаетъ.

Онъ спитъ или крѣпкою думой объятъ,
Навѣрно рѣшить кто возмется? —
Когда же ударитъ указанный часъ
Тутъ бодро онъ вдругъ встрепенется,

И знамя схвативши, воскликнетъ: вставать,
И на̀ конь живѣе, ребяты!
И разомъ, какъ буря, воспрянутъ они,
Проспавшися вдоволь солдаты.

И мигамъ садятся на борзыхъ коней,
Что громко и ржатъ и топочутъ.
Во слѣдъ Императору ѣдутъ они,
И трубы призывно грохочутъ

На славу — и скачутъ и бьются они,
Ихъ сила большая, ихъ много. —
И требуетъ Фридрихъ виновныхъ на судъ,
Онъ будетъ наказывать строго —

То сборище низкихъ злодѣевъ — убійцъ,
Что чудную нашу сгубило
Германію-Дѣву въ кудряхъ золотыхъ. —
„О, солнышко, ты уличило!“

Иного, что скрывшися въ за́мкѣ своемъ
Себѣ уже чаялъ спасенья, —
Притянутъ къ суду — и злодѣй не уйдетъ
Отъ каръ Барбароссова мщенья. — — —

Люблю я преданья сѣдой старины,
Разсказы мнѣ нянины милы,
Мое суевѣрное сердце твердитъ:
„О, солнышко, ты уличило!“

Глава XV.

Тяжелыя тучи все небо покрывъ,
Дождь мелкій и частый намъ сѣютъ;
Холодными иглами будто сѣчетъ,
Лошадки пыхтятъ и потѣютъ.

Знакомую пѣсню трубитъ почтальонъ
Въ свой рѣзкій рожокъ поминутно:
„Три всадника ѣхали вонъ изъ воротъ!“
Мнѣ на́ сердцѣ грустно и мутно.

Клонило ко сну, и я точно заснулъ,
И чудный мнѣ сонъ тутъ приснился,
Что будто въ волшебной Кифгейзеръ-горѣ
У Фридриха я очутился.

На каменномъ стулѣ ужъ онъ не сидѣлъ,
Рукой подпершись какъ статуя,
И важнаго вида того не имѣлъ,
Какъ мыслятъ невѣрно толкуя.

Бродилъ ковыляя по заламъ старикъ
Въ бесѣдѣ со мной задушевной,
И хвасталъ сокровищемъ тайнымъ своимъ
И разною рѣдкостью древней.

Придя въ оружейную сталъ объяснять,
Какъ дѣйствовать ловче сѣкирой,
И ржавчину счистилъ съ двухъ-трехъ палашей
Своей въ горностаяхъ порфирой.

Павлиньею метёлку взявъ, пыль обметать
Онъ началъ съ доспѣховъ старинныхъ,
Со шлемовъ тяжелыхъ, съ кирасъ и щитовъ,
И съ бердышей острыхъ и длинныхъ.

Трехцвѣтное знамя тряхнувши, сказалъ
Съ усмѣшкой: „отличное дѣло,
Что въ древкѣ еще червоточины нѣтъ,
Что поле шелковое цѣло!“

Когда же потомъ мы въ ту залу пришли,
Гдѣ рядомъ солдаты лежали:
„Намъ быть осторожнѣе должно теперь,
Чтобъ насъ молодцы не слыхали,“ —

Шепнулъ онъ: „сегодня срокъ платы опять;
Вѣдь я выдаю по дукату —
Въ столѣтіе разъ изъ сокровищъ моихъ.
Здѣсь каждому — воину-брату!“

И вотъ между спящихъ рядовъ проходя,
Онъ каждому счетомъ солдату,
Кряхтя нагибаясь, въ карманъ опускалъ
За службу условную плату.

Въ палатѣ-жъ по стойламъ, гдѣ кони стоятъ
Отъ радости онъ улыбался,
И руки себѣ потирая добрякъ,
Отлично довольнымъ казался.

Потомъ онъ заботливо сталъ ихъ считать,
Вдоль конскаго идучи строю,
На каждаго съ лаской глядѣлъ онъ коня,
И царской ихъ гладилъ рукою.

Счелъ разъ и другой ихъ, — и вдругъ пріунылъ
Какъ чѣмъ-то смущенный невольно:
„Солдатъ и оружья довольно“, сказалъ,
„Коней-то еще недовольно.

„Давно ремонтеровъ я выслалъ своихъ,
Давно съ нетерпѣньемъ ихъ жду я;
Когда же лошадокъ накупятъ вполнѣ,
Тутъ только ребятъ разбужу я.

„И выѣдемъ всѣ изъ Кифгейзера мы,
И праведный судъ сотворю я,
И вѣрный народъ мой избавлю отъ бѣдъ,
Что столько ихъ терпитъ горюя!“

Такъ мнѣ Императоръ; а я: ахъ, мой свѣтъ!
Да что-же ты дѣлаешь съ нами?
Коли не хватаетъ еще лошадей —
Пополни ты ихъ хоть ослами!

Но тонко прищурясь державный старикъ
Съ насмѣшливой молвилъ улыбкой:
„Къ чему горячиться! въ великихъ дѣлахъ
Нельзя поступать слишкомъ шибко.

„Что нынѣче не сбудется, завтра придетъ,
Минутой ничто не вершится;
У насъ: chi va piano, va sano, — дружокъ,
Пословица въ Римѣ твердится!“

Глава XVI.

Толчки дилижанса прервали мой сонъ,
Но скоро, объятый дремою,
Въ Кифгейзеръ волшебный невольно опять
Унесся я сонной мечтою.

И снилось мнѣ снова, что съ Фридрихомъ тамъ
Средь старыхъ готическихъ залъ я.
Онъ рѣчь заводилъ и о томъ и о семъ,
Проспѣ чтобъ ему разсказалъ я,

Что новаго въ свѣтѣ творится съ тѣхъ поръ,
Какъ онъ изъ числа уже вышелъ
Живущихъ; еще съ семилѣтней войны
О томъ ничего онъ не слышалъ.

Желалъ съ нетерпѣньемъ скорѣе узнать,
О томъ съ Мендельсономъ что сталось;
Со старою Каршинъ, съ Мадамъ Дюбарри,
Что такъ красотой прославлялась.

Ахъ, Боже! вскричалъ я, — да какъ ты отсталъ!
Давно Мендельсонъ нашъ въ могилѣ
Съ женою Ревеккой и съ сыномъ своимъ
Абрамомъ; давно они сгнили!

Абрамъ съ своей Леей сынишку родилъ,
Феликса, — весь свѣтъ его знаетъ;
Въ подлунной гремитъ онъ, — за тѣмъ что у насъ
Капеллой большой управляетъ.

И Каршинъ*) старуха давно умерла,
И дочь ея Кленке примѣрно.
Вотъ внучка жива-ли, Эльмина Шези, —
Признаться, не знаю навѣрно.

Пока жилъ Людовикъ, мадамъ Дюбарри
Роскошно, кутя поживала,
На старости-жъ лѣтъ — обнищала она
И вѣкъ — гильотиной скончала.

---

*) Забытая теперь стихотворная писательница 1750 годовъ, очень извѣстная въ берлинскихъ кружкахъ того времени. Дочь и внука ея — обѣ литераторши — болѣе близкаго времени.

Людовикъ пятнадцатый умеръ еще
Не слишкомъ въ преклонныя лѣта.
Шестнадцатый, — тотъ гильотиной казненъ,
За нимъ и Мари-Антуанетта.

Смертельный ударъ Королева снесла
Съ спокойною, царскою миной.
Рвалась и кричала мадамъ Дюбарри
Но кончила — всежъ гильотиной. — —

Какъ вкопанный сталъ Императоръ, и мнѣ
Тревожно: „Да что ты за слово
Твердишь мнѣ сто разъ: гильотина! — оно —
Звучитъ мнѣ и дико и ново!“

— У насъ гильотиной слыветъ, Государь, —
Сказалъ я, — машина такая,
Что головы людямъ снимаетъ долой,
Мгновенно ихъ жизнь прекращая.

Отъ жизни ко смерти приводитъ людей
Различнаго пола и званья.
Ее изобрѣлъ господинъ Гильотенъ —
По немъ и дано ей названье.

Васъ крѣпко привяжутъ ремнями къ доскѣ,
Нагнутъ и межь брусьевъ двухъ живо
Вамъ голову втиснутъ. Тутъ острый топоръ,
Что блещетъ на солнцѣ игриво —

Высоко вися надъ столбами, — за шнуръ
Потянутъ, — и мига не длится, —
Какъ прочь отскочивши отъ плечь голова,
Мигая, въ корзинку валится.

Тутъ Фридрихъ мнѣ съ гнѣвомъ: „машину твою
Противную знать не хочу я. —
Довольно сказалъ ты! вводить у себя
Строжайше ее запрещу я.

„Дерзнуть короля! королеву связать!
Безъ всякаго къ нимъ уваженья!
Да гдѣ-же приличіе, гдѣ-жь этикетъ?
Къ священнымъ особамъ почтенье?

„И самъ ты, молодчикъ, откуда и кто,
Что дерзко со мной обращаться
Такъ смѣешь? постой-ка — я крылья тебѣ
Подрѣжу, дай только добраться!

„Вся кровь приливаетъ мнѣ къ горлу, когда
Я слышу твое объясненье.
Одно, нечестивецъ, дыханье твое
Величества есть оскорбленье!“

Увидя такой императора гнѣвъ
И выходку этого роду, —
И я ободрился, — и мыслямъ своимъ
Завѣтнымъ далъ тоже свободу.

— О, Фридрихъ! вскричалъ я, — ты миѳъ вѣдь пустой,
Одной лишь мечты привидѣнье!
Ложись-ка ты спать, безъ тебя мы скорѣй
Устроимъ свое избавленье.

Неловко пришлось бы, засыпали-бъ насъ
Насмѣшками всѣ либералы,
Когда-бъ императоръ явился у насъ
Въ понятьяхъ такой запоздалый!

Не кстати бы было и знамя твое,
Фанатики старые сбили
Давно ему цѣну и съ буршества въ насъ
Къ нему уваженье убили.

Такъ было бы лучше, когда бы на свѣтъ
Совсѣмъ не являлся ты снова,
За тѣмъ что не надо намъ, правду сказать,
Владыки теперь никакого!

Глава XVII.

Такъ рѣзко во снѣ съ императомъ я,
Но только во снѣ побранился.
Дѣйствительно спорить съ нимъ такъ на яву
Конечно бы я не рѣшился.

Да только во снѣ, въ идеальномъ лишь снѣ
У нѣмца является сила
Безъ лжи говорить государямъ про то,
Что вѣрное сердце тапло. —

Проснувшись увидѣлъ, что ѣдемъ въ лѣсу,
Что насъ густота окружаетъ
Лѣсная, — и этой реальности видъ
Мечтанья мои разгоняетъ.

Развѣсистый дубъ головой такъ умно
Кивалъ мнѣ, какъ тайный ораторъ;
Береза совѣты шептала, и я —
Вскричалъ вдругъ: прости императоръ

Прости, о любезный мой Фридрихъ! мое
Невольное слово; умнѣе
Ты всѣхъ насъ стократно, къ намъ только скорѣй —
Явись императоръ скорѣе!

И если по вкусу тебѣ не пришлась
Новѣйшихъ временъ гильотина, —
Казни ты, какъ прежде, дворянъ топоромъ,
Веревкою простолюдина.

Но изрѣдка, впрочемъ, души и господъ —
Для вящшаго ихъ назиданья, —
Простому-жь народу головки сбивай:
Равны всѣ вѣдь божьи созданья!

Кровавое пятаго Карла опять
Вездѣ обнови уложенье,
И снова и цехи и гильдьи введи,
И разныя въ нихъ раздѣленья.

Священное Римское царство возставь
Немедленно, въ первое лѣто-жь,
И намъ, умоляю, скорѣй возврати
Всю средне-вѣковую ветошь.

Да, средніе вѣки готовъ я терпѣть,
Весь гнетъ устарѣлыхъ преданій, —
Избавь ты насъ только отъ язвы другой,
Отъ этихъ двуполыхъ созданій, —

Отъ этихъ героевъ, что гадятъ вездѣ,
Все портятъ, куда не пришли бы,
Отъ смѣси страстишекъ и спѣси пустой
Людей, что ни мясо, ни рыба.

Канатныхъ отъ насъ прогони плясуновъ,
Театры закрой не жалѣя,
Гдѣ лишь надъ прошедшимъ глумятся, скорѣй,
Явись къ намъ о, Фридрихъ, скорѣе!

Глава XVIII.

Отличная въ Минденѣ крѣпость; въ ней все
Такъ грозно, воинственно, плотно:
Я съ крѣпостью прусской однако всегда
Сближаюсь не слишкомъ охотно.

Мы прибыли въ Минденъ ужь къ ночи почти,
И доски такъ глухо стонали
Подъемнаго моста, глубокіе рвы
Какъ черною пастью зѣвали.

Высокія башни глядѣли на насъ
Невесело такъ и сурово, —
Большія ворота раскрылись гремя, —
И съ громомъ захлопнулись снова.

Мнѣ стало такъ грустно тогда на душѣ,
Какъ было въ ту ночь Одиссею,
Когда хитроумный сей мужъ въ западню
Попалъ къ Полиѳему-злодѣю.

При въѣздѣ къ каретѣ сержантъ подошелъ,
Съ вопросомъ кто вы и откуда?
— Я докторъ *Никто* и могучимъ земли
Я бѣльмы снимаю не худо!*)

Въ гостинницѣ стало еще мнѣ тошнѣй,
Пропалъ апетитъ; тотчасъ легъ я —
Въ постель; но душила перина — и сномъ
Ни какъ позабыться не могъ я.

Подъ пологомъ краснымъ изъ толстой камки,
Постель, пуховыя перины;
Вверху почернѣвшій навѣсъ, — и съ него
Вписящая кисть до средины.

Проклятая кисть! что терзала меня
Всю ночь мнѣ заснуть не давая,
Какъ мечь Дамоклесовъ висѣла она,
Паденьемъ мнѣ все угрожая.

---

*) Извѣстно, что Улиссъ выкололъ Полиѳему его единственный глазъ; Гейне — берется только снимать бѣльмы великанамъ.

То видъ принимала казалось змѣи,
Которая злобно шипѣла:
Попался, дружочекъ, ты въ крѣпость теперь,
Истлѣетъ твое здѣсь и тѣло!

О, Боже! твердилъ я, зачѣмъ какъ на грѣхъ,
Увязъ я въ гнѣздѣ этомъ мерзкомъ!
Когда бы скорѣе у милой жены
Въ предмѣстьи мнѣ быть Пуассоньерскомъ!

И все мнѣ казалось, что чья-то рука
Какъ будто мнѣ по лбу черкала, —
Какъ будто бы цензоръ указкой чертилъ
Холодной — и мысль изчезала.

И будто-бы въ саванахъ бѣлыхъ толпы
Жандармовъ тѣснясь у постели,
Какъ пугалы адскія, злобно смѣясь,
Мнѣ въ уши цѣпями гремѣли.

Казалось мнѣ, духи-жандармы еще
Куда-то меня увлекали,
Терзали мнѣ члены, и вотъ наконецъ —
Къ гранитной скалѣ приковали.

И кисть злополучная тутъ-же опять;
Но видѣлъ ее ужь теперья —
Подъ видомъ огромнаго, злого орла,
Клювъ острый и чорныя перья —

Точь вточь какъ у прусскаго. Въ тѣло мое
Онъ жадно когтями впивался,
И печень клевалъ мнѣ, и плотью моей
Какъ лакомой яствой питался.

Въ бреду я стоналъ до утра; но пѣтухъ
Запѣлъ и видѣнье пропало;
Я пòтомъ облитый проснулся, — и кисть
Опять изъ орла кистью стала.

И съ экстрой почтовой я вновь поскакалъ,
Понесся вновь вольною птицей; —
Но мысли тяжелыя я разогналъ
Лишь за Бюкебургской границей.

Глава XIX.

О, бѣдный Дантонъ! въ заблужденьи большомъ
Ты былъ: со страною родною
Мы можемъ уйти отъ враговъ; на ногахъ
Унесть ее можно съ собою.

Земли Бюкебургской къ моимъ сапогамъ
Ей-ей половина пристала;
Нѣтъ, глинистой почвы и грязи такой
На свѣтѣ еще не бывало! —

Прибывъ въ Бюкебургъ, — я весь городъ прошелъ,
Чтобъ видѣть мой, такъ сказать, *штамбургъ*,*)
Гдѣ дѣдъ мой родился; а бабки моей
Отечествомъ городъ былъ Гамбургъ.

---

*) Der Stammburg — родовой замокъ. Гейне, по дѣду съ материнской стороны, — былъ дворянинъ.

Въ Гановеръ къ обѣду пріѣхали мы.
Грязь счистить велѣвши лакею
Съ сапогъ, — я столицу пошелъ изучать —
Я странствовать съ пользой умѣю.

Ахъ, Боже! какъ чисто, какъ прибрано все,
Какъ улицы всѣ здѣсь опрятны,
И зданій прекрасныхъ какое число —
Такъ высятся важны, пріятны!

Понравилась площадь особенно мнѣ.
Во кругъ — по манерѣ новѣйшей
Тамъ зданья, и тамъ же дворецъ короля;
Наружности онъ богатѣйшей —

Дворецъ то-есть. Съ той и другой стороны
У входа поставлены будки.
Солдаты — всѣ въ красномъ — нахмурясь глядятъ,
И видно, что имъ не до шутки.

Тутъ мой проводникъ объяснилъ мнѣ: „вотъ здѣсь
Эрнстъ-Августъ король проживаетъ;
Въ душѣ истый тори, — но бодрый старикъ,
Ни чѣмъ никогда не хвораетъ.

„Живетъ въ безопасности полной король
Въ своихъ королевскихъ хоромахъ;
Но лучше чѣмъ войскомъ большимъ окружонъ
Онъ трусостью нашихъ знакомыхъ.

„И все же на скуку онъ вѣчно брюзжитъ,
На гнетъ королевскаго званья.
Томится ужасно; Гановеръ ему —
Тоскливѣе ссылки, изгнанья.

„О лондонской жизни мечтаетъ онъ все.
Хотѣлъ бы и тронъ свой покинуть.
Порой, говоритъ, одолѣетъ такъ сплинъ,
Что просто хоть петлю накинуть.

„На дняхъ у камина — я видѣлъ — стоялъ
Печально согнувшись. Отъ скуки
Онъ самъ высочайшей рукою варилъ
Клистиръ для больной своей суки.

Глава XX.

Изъ Гарбурга въ Гамбургъ доѣхалъ я въ часъ.
Былъ вечеръ. Мнѣ звѣзды привѣтно
Мигали съ небесъ. Вѣтерокъ теплый дулъ
Такъ мягко, почти незамѣтно.

Я къ матушкѣ милой скорѣе. Она
Отъ радости чуть устояла,
Всплеснувши руками: „о, Боже! сынокъ!
„Ахъ, счастье какое!“ вскричала.

„Сыночекъ — голубчикъ! тринадцать годовъ
Съ тѣхъ поръ миновало примѣрно,
Какъ мы не видались. Ты голоденъ, другъ,
Ты хочешь покушать навѣрно?

„Есть рыба у насъ, есть и жареный гусь,
И чудные есть апельсины“.
— Такъ дай мнѣ и рыбы и гуся, Мама,
Да чудныхъ дай мнѣ апельсиновъ.

И вотъ я за ужинъ усердно присѣлъ.
Старушка счастливой казалась;
Но съ тонкими, нѣжно глядя мнѣ въ глаза,
Вопросами все подбиралась.

„Дружочекъ! хозяйка-ли женка твоя?
Радитъ-ли о миломъ сыночкѣ
Моемъ на чужбинѣ? и чинитъ сама-ль
Рубашки ему и чулочки?“

— Пришлася по вкусу мнѣ рыбка, мама,
Но рыбой легко подавиться;
Такъ будетъ умнѣе теперь помолчать,
За рыбой болтать не годится.

Но рыбу доѣлъ я; явился тутъ гусь —
И мать разсказать ей просила
О томъ и о семъ; а сама между тѣмъ
Все тонкій допросецъ творила.

„Дружочекъ! скажи мнѣ, тебѣ-бы теперь
Съ кѣмъ было-бы жить веселѣе?
Французы и нѣмцы, кого ты изъ двухъ
Народовъ находишь милѣе?“

— Нѣмецкіе гуси отличны, мама,
И вкусъ превосходный имѣютъ. —
Но лучше начинку и соусы къ нимъ
Французы готовить умѣютъ.

Покончилъ и гуся; и вотъ наконецъ
За свой апельсинъ принялся я:
Что онъ оказался и сладокъ и спѣлъ
Нежданность была мнѣ большая.

Она же опять за распросы свои
Взялася тутъ съ видомъ счастливымъ
И все подбиралась претонко она
Къ вопросамъ весьма щекотливымъ.

„Сыночекъ! скажи мнѣ, въ политикѣ ты,
Какихъ сталъ теперь убѣжденій?
И партіи держишься больше какой,
Какихъ, откровенно, ты мнѣній? —

— Ахъ, милая маменька! самъ апельсинъ
Отлично хорошъ. Увѣряю
Люблю апельсины; но выжавши сокъ,
Я корку всегда оставляю.

Глава XXI.

Изъ груды развалинъ и пепла встаетъ
Нашъ Гамбургъ, о градъ знаменитый!
Едва вполовину отстроенъ — глядитъ
Какъ пудель онъ полуобритый!*)

И какъ измѣнился! какъ много теперь
И мѣстъ дорогихъ не найду я ....
Гдѣ домъ незабвенный, въ которомъ вкусилъ
Сласть перваго я поцѣлуя?

И погребъ, гдѣ весело устрицъ глоталъ
Съ друзьями во дни я былые?
Печатня, куда въ первый разъ отдавалъ
Картины мои путевыя?

---

*) Извѣстно, что Гамбургъ подвергся, въ 1842 г., громадному пожару.

А Дрекваль любезный? напрасно ищу
Я Дрекваль; — огонь все разрушилъ.
Гдѣ тотъ павильончикъ отрадный, гдѣ я
По праздникамъ лакомства кушалъ!

А ратуша, гдѣ велемудрый Сенатъ
И наше гражданство царило? —
Жестокое пламя пожрало ее —
Оно и святынь не щадило!

И гамбургцы все еще въ страхѣ большомъ,
Съ пласивою, жалкою миной,
Старались свой ужасъ и мнѣ передать
Пожара живою картиной.

„Горѣло вдругъ разомъ во многихъ мѣстахъ,
Вверхъ пламя клубилося съ блескомъ,
Огромныя зданья, церквей купола
Не выдержавъ, падали съ трескомъ.

„Погибла и биржа, гдѣ предки еще
О важныхъ дѣлахъ толковали;
Гдѣ столько столѣтій такъ честно они,
Какъ только могли торговали.

„Но банкъ, — золотая торговли душа, —
Гдѣ всѣ наши счеты велися,
И книги важнѣйшія взносовъ и ссудъ,
Тѣ, Господу слава, спаслися!

„Ходили за сборомъ по всѣмъ городамъ
И въ страны Богъ ни-вѣсть какія,
Едва-ли не къ дикимъ, — за то и дала
Подписка милльоны большіе.

„А касса пособій? Вотъ можно сказать,
Что въ руки святыя попала!
Что правая въ ней загребала рука, —
То лѣвая ввѣкъ не узнала.

„Къ намъ деньги отвсюду рѣкою текли,
Отвсюду намъ въ даръ присылали
Съѣстные припасы, одежду, бѣлье;
Мы съ радостью все принимали, —

„Нпчѣмъ не гнушаясь. Участіе мы
Большое нашли, слава Богу!
А Прусскій Король, тотъ хотѣлъ къ намъ прислать
И войско свое на подмогу!

„Потери вещественной стоимость вся
Однако еще оцѣнима;
Но ужасъ моральный, но трепетъ души
Вотъ что уже невозмѣстимо!“

Тутъ имъ въ утѣшенье я слово сказалъ:
Все это поправное дѣло;
Получше вѣдь Гамбурга Троя была, —
А все таки Троя сгорѣла!

Остройте-ка зà ново ваши дома,
Составьте законы умнѣе,
Снабдитесь водою, и лучшихъ вы трубъ
Купите, грошей не жалѣя.

Кладите кайэнскаго перцу въ свой супъ
Не слишкомъ ужь щедрой рукою, —
Да карповъ не ѣшьте; вы жирно ихъ такъ
Варите всегда съ чешуею.

Вотъ мясо индюшекъ не вредно для васъ;
Но, чтобы васъ небо хранило
Отъ птицы коварной, что яйца свои
Въ парикъ бургомистра сложила! — —

Что это за птица, гдѣ клохчетъ она
Теперь пояснять не годится; —
При мысли о ней — въ животѣ у меня
И пища уже не варится.

Глава XXII.

Печальнѣе зданій здѣсь люди глядятъ.
Такъ грустны ихъ длинныя мины,
Такъ горемъ убиты, что сами они
Ходящія словно руины.

Всѣ тощіе стали тощѣе еще,
Жирнѣй толстяки раздобрѣли,
Состарились дѣти, за то старики —
Какъ дѣти опять поглупѣли.

Теляты, что матокъ сосали еще,
Рогатыми стали быками;
Гусяты иные, что были въ пушку,
Носастыми стали гусями.

На лысину Гудель надѣла парикъ,
Подкрасила брови и губы,
И думаетъ всѣхъ удивить красотой,
Бѣлѣйшіе вставивши зубы.

Всѣхъ меньше состарѣлся мой продавецъ
Бумажный; все тѣжь его рѣчи,
И желтыя кудри вокругъ головы, —
Точь въ точь у Ивана Предтечи.

Н. Н. вдалекѣ прошмыгнулъ; его духъ
Пожару добычей достался —
Какъ мнѣ говорили; у Бибера онъ
Однако на страхѣ считался.

И стараго цензора встрѣтилъ опять.
Въ ряду онъ гусиномъ шатался;
Въ туманѣ, согбенный, какъ будто убитъ
Душевной тоскою казался.

Мы подали руку другъ другу; слеза
Въ глазахъ старика заблистала,
Какъ встрѣчей со мной былъ доволенъ добрякъ —
И тронулъ меня тѣмъ не мало.

Но вживѣ не всѣхъ стародавнихъ нашелъ
Знакомцевъ я волею божей.
Увы! даже самъ *Гумпелино**), мой другъ
Безцѣнный, — отправился тоже.

Окончилъ великій сей мужъ бытіе
Земныхъ треволненій скорѣе, —
И вѣрно теперь уже съ сонмомъ паритъ
Блаженныхъ духовъ въ эмпиреѣ!

Но гдѣжь Адонисъ кривоногій? — Его
Напрасно искалъ я повсюду.
По улицамъ дешево такъ продавалъ
Онъ чашки, ночную посуду.

Остался-ли маленькій Мейеръ въ живыхъ —
Вамъ точно сказать не умѣю;
Забылъ я Корнета о немъ распросить,
И очень о томъ сожалѣю.

---

*) Одно изъ лицъ, созданныхъ юморомъ автора, основой для котораго служилъ нѣкто изъ еврейскихъ его родственниковъ.

И Сарраса-пуделя вѣрнаго нѣтъ! —
Что отдалъ бы безъ сожалѣнья
За Сарраса Кампе*) десятокъ писакъ,
Въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнья.

Извѣстно, что въ Гамбургѣ вмѣстѣ живутъ
Съ крещеными также Евреи.
О первыхъ нельзя не солгавши сказать,
Чтобъ были послѣднихъ честнѣе.

Однако и сальныхъ свѣчей не ѣдятъ,
Напротивъ — обѣдаютъ славно;
До срока послѣдняго всѣ платежи
По векселю вносятъ исправно.

Еврейское племя, живущее здѣсь,
На двѣ раздѣляется части:
На старыхъ и новыхъ; ходить старики
Въ свою синагогу до страсти

---

*) Саррасъ — любимая собака извѣстнаго гамбургскаго книгопродавца Кампе, издателя сочиненій Гейне.

Охочи. А новые ходятъ во храмъ,
Свинину ѣдятъ, демократы,
Въ законѣ слабеньки. За то старики —
Въ часоткѣ, — но аристократы.

Люблю я и старыхъ и новыхъ равно;
Но если сказать мое мнѣнье —
По истиной правдѣ, — салакушкѣ всежь —
Копченой отдамъ предпочтенье.

Глава XXIII.

Могуществомъ, славой былъ Гамбургъ всегда
Республикъ иныхъ поскромнѣе;
Но устрицъ, какъ въ лавкѣ у Лоренца, вы
Нигдѣ не найдете вкуснѣе.

Отправились съ Кампе туда вечеркомъ —
Я дружбу веду съ нимъ большую —
Намъ устрицъ хотѣлось поѣсть и распить
Рейнвейна бутылку — другую.

Пріятное общество встрѣтили тамъ,
Былъ радъ всѣхъ опять увидать я.
Изъ старыхъ тамъ былъ, на примѣръ, *Шофпье,*
И разные новые братья.

Былъ Вилле, чьи щеки альбомомъ всегда
Для партій студентскихъ служили,
Куда эспадрономъ свои имена
Противники четко вносили.

И Фуксъ также былъ тамъ, атей записной,
И личный противникъ Его́вы. —
Онъ въ Гегеля вѣритъ, да развѣ еще
Немножко въ Венеру Кановы.

За ужиномъ Кампе хозяиномъ былъ, —
Въ такомъ настроеньи чудесномъ:
Казался моложе лѣтъ двадцать, — глаза
Сіяли блаженствомъ небеснымъ.

Я кушалъ и пилъ съ апетитомъ большимъ
И думалъ: нѣтъ въ мірѣ другаго
Подобнаго Кампе издателя; мнѣ —
Не выискать друга такого!

Съ другимъ бы издателемъ съ голоду я,
Быть можетъ давно околѣлъ бы;
А этотъ и кормитъ и поитъ меня,
Разстаться съ нимъ ввѣкъ не хотѣлъ бы.

Хвала Вседержителю! Имя свое
Онъ дивно прославилъ, создавши
Сокъ лозъ благородныхъ для смертныхъ и мнѣ —
Издателемъ Кампе пославши.

Хвала Вседержителю! Слава Ему,
Что устрицъ размножилъ онъ въ морѣ, —
А на сушѣ рейнскія лозы взрастилъ, —
Забвенье отрадное въ горѣ. —

Хвала! что приправою сочною далъ
Лимоны онъ къ устрицамъ тоже. —
Подай только силу все это сварить
Мнѣ за ночь сегодня, о Боже!

Рейнвейнъ умягчаетъ мнѣ душу всегда,
Прочь всякое гонитъ сомнѣнье,
И будитъ онъ даже въ груди у меня —
Невольное къ людямъ влеченье.

Изъ душныхъ покоевъ наружу зоветъ
Во мракъ, пошататься вкругъ зданій;
Душа ищетъ жадно подруги-души
И миленькихъ жаждетъ созданій.

Въ такія минуты я таю совсѣмъ,
Готовъ цѣловаться съ врагами;
Всѣ кошки мнѣ кажутся сѣры тогда,
А женщины всѣ — красотами.

Пошелъ я гулять, и на Дребанъ*) прійдя
Вдругъ вижу при лунномъ сіяньи
Высокое, дивныхъ красотъ существо
Все въ бѣломъ, какъ снѣгъ, одѣяньи.

Красавицы образъ здоровьемъ дышалъ,
Какъ холмы — двѣ груди полнѣли,
Синѣли глаза бирюзой у нее,
Какъ розаны щеки алѣли.

Ротъ — спѣлая вишня — перловыхъ зубовъ
Два ряда скрывалъ очертанье;
Покроя античнаго носъ, но слегка
Краснѣлось его окончанье.

Изъ бѣлой крахмаленой ткани чепецъ,
Красуясь надъ русой косою,
Зубчатой, колончатой формой своей —
Казался короной градскою.

---

*) Гамбургская улица нелестной репутаціи.

Туника бѣлѣйшая въ складкахъ густыхъ
По икры ея ниспадала,
До икръ, что равнялись объемомъ своимъ
Дорійскимъ колоннамъ безмала.

Развитіе тонкости свѣтской въ чертахъ
Изящныхъ ея выражалось,
Но задомъ громаднымъ уже существо
Нездѣшнее въ ней проявлялось.

Ко мнѣ подступивши: „здорово дружокъ!“
Сказала, „мой милый, здорово!
Тебя не видать здѣсь тринадцать годовъ,
А всеже ты нрава такого —

„Какъ прежде. Я вижу ты ищешь еще
Существъ тѣхъ, съ которыми вмѣстѣ
Ты чашу забвенья не разъ осушалъ
До утра въ отрадномъ семъ мѣстѣ.

„Ты ищешь тѣхъ милыхъ созданій, что здѣсь
Съ тобой наслажденья вкушали;
Но ихъ не найдешь ты; увы! уже ихъ
Несытыя пасти пожрали

„Стоглавой той гидры, что губитъ всегда
Безжалостно все, что прекрасно,
Игриво и юно; его умолять
О милости было-бъ напрасно...“

Кто ты, неземная! вскричалъ я. Скажи,
Не дивное-ль ты сновидѣнье
Моихъ улетѣвшихъ годовъ? — Проводить
Могу ли просить позволенья?

Она же улыбкой уста озаривъ,
„Ошибся ты, другъ“, отвѣчала,
„Моральное, высшее я существо,
Не дѣва, какихъ здѣсь не мало.

„Не бабочка я легкокрылая; нѣтъ,
Съ цвѣтка на цвѣтокъ не порхаю.
Мнѣ имя Богиня Гаммонія; знай, —
Я Гамбургъ родной охраняю!

Но чтоже молчишь-ты? Сомнѣнье и страхъ
Ужель овладѣли тобою? —
Съ другими столь бойкій всегда на словахъ,
Ты струсилъ, не бось, предо мною?..“

Тутъ съ хохотомъ дерзкимъ я громко вскричалъ:
Чего дорожить мнѣ собою?
Веди куда хочешь, я слѣдомъ готовъ —
Хоть къ чорту идти за тобою!

Глава XXIV.

По лѣстницѣ узкой, богинѣ во слѣдъ
Взошелъ какъ, скажу вамъ едва-ли;
Блаженные духи меня можетъ быть
Невидимо тутъ поддержали.

Здѣсь въ комнаткѣ тѣсной восторга часы
Небеснаго сердце вкушало;
Богиня созналась, что втайнѣ всегда
Ко мнѣ симпатію питала.

„Мнѣ нравился прежде“, — сказала она
Въ бесѣдѣ со мной откровенной, —
„Всѣхъ больше поэтъ, что Мессію воспѣлъ
На лирѣ своей вдохновенной, —

„Мой Клопштокъ; вотъ тамъ на комодѣ стоитъ
Еще его бюстъ; но ужь сколько
Лѣтъ сряду онъ служитъ, признаться сказать
Чепцамъ моимъ вѣшалкой только!

„Теперь ты — мой любимецъ. Смотри, твой портретъ
Виситъ у меня въ рамкѣ новой,
Въ моихъ головахъ. Зеленѣетъ надъ нимъ
Вѣнокъ всегда свѣжій, лавровый.

„За то, что моихъ ты сыновъ обижалъ
Насмѣшкой я точно сердилась.
Ты будешь воздержнѣй, надѣюсь, впередъ,
Съ тобою чтобъ я помирилась.

„Развили и время и опытъ, дружокъ,
Въ тебѣ уже больше терпѣнье.
Надѣюсь, что даже къ отпѣтымъ глупцамъ
Ты явишь теперь снисхожденье.

„Но какъ, раскажи мнѣ, ты вздумалъ сюда
На сѣверъ пріѣхать такъ поздно?
Настала глубокая осень у насъ
И время стоитъ ужь морозно.“

— Богиня! ты знаешь, отвѣтсвовалъ я,
Что спятъ у насъ въ сердцѣ глубоко
Завѣтныя чувства, которыя вдругъ
Всплываютъ по прихоти рока.

Не худо жилось мнѣ извнѣ, но внутри
Все пусто и холодно стало, —
И эта тяжелая сердца болѣзнь
Сильнѣй и сильнѣе терзала.

Столь легкая прежде парижская жизнь
Усталой душѣ опостыла. —
Хотѣлось широкою грудью вздохнуть
Мнѣ воздухомъ родины милой!

Мнѣ кнастеромъ ѣдкимъ, дымкомъ торфянымъ
Хотѣлось скорѣй надышаться;
Къ зеленымъ отчизны долинамъ, холмамъ
Съ любовью сыновней прижаться.

Безсоньемъ томяся, о томъ лишь мечталъ
Что сердце мнѣ тѣшило въ дѣтствѣ:
Старушку близь Дамтора видѣть горѣлъ;
Живетъ тамъ и Лотхенъ въ сосѣдствѣ!

Желалъ съ нетерпѣньемъ обнять старика,
Что съ виду сурово-сердитый,
Своей благородной душою всегда
Отъ бѣдъ былъ мнѣ вѣрной защитой.

Хотѣлось еще бы услышать хоть разъ
Изъ устъ его: „взбалмошный малый!“
То бранное слово его, что такой
Мнѣ музыкой сладкой звучало*).

Хотѣлось взглянуть какъ изъ хижинъ родныхъ
Дымъ вьется струей голубою,
И въ буковыхъ рощахъ бродя, соловьевъ
Саксонскихъ послушать весною.

Влекло меня, вѣришь ли, даже къ мѣстамъ
Гдѣ съ жизнью столкнулся суровой;
Нести довелось гдѣ мнѣ первый мой крестъ,
И первый вѣнокъ мой терновый.

Казалось отрадно — тамъ плакать опять,
Гдѣ лилъ я горчайшія слёзы: —
Тоской по отчизнѣ зовутся, никакъ,
Такія безумныя грёзы!

---

*) Намекаемыя здѣсь личности: мать автора, дядя его, банкиръ Саломонъ Гейне, и — можетъ быть — дочь его, — первая и глубокая любовь Гейне.

Другимъ повѣрять свой недугъ не хочу, —
Душевное это страданье. —
Скрывать эти раны отъ взоровъ людей
Я все прилагаю старанье.

Противенъ мнѣ нищенства жалкій нарядъ,
Дырявый, въ которомъ болячки
Свои выставляетъ иной патріотъ,
Выпрашивать ловкій подачки.

Богиня! застала сегодня меня
Ты въ мягкомъ души настроеньи;
Я болѣнъ немножко; но я вѣдь лечусь, —
И чаю еще изцѣленья.

Да, боленъ я точно; и ты бы могла
Мнѣ помощи сдѣлать не мало,
Когда бы мнѣ чашечку чаю дала,
Да рому въ него подмѣшала.

Глава XXV.

Богиня сварила мнѣ чаю; при томъ
И рому въ него подмѣшала,
Сама же безъ чаю — одинъ только ромъ
Покушивать ложечкой стала.

Ко мнѣ на плечо прилегла головой —
Отъ этого башни въ коронѣ
У ней поизмялись — и рѣчь повела
Она въ задушевнѣйшемъ тонѣ:

„Какъ часто съ тревогою думаю я,
Что ты тамъ живешь у развратныхъ
Французовъ, въ Парижѣ, въ понятьяхъ своихъ
Столь легкихъ и столько превратныхъ.

„Ты водишься съ ними ужь столько годовъ
И нѣтъ при тебѣ къ сожалѣнью
Издателя — друга, который бы могъ
Совѣтомъ служить въ затрудненьи.

„Соблазнъ тамъ великій, на каждомъ шагу
Толпами порхаютъ сильфиды, —
Опасны ихъ ласки! — что можетъ служить
Для страстнаго сердца эгидой?

„Послушай ты друга, останься у насъ,
Здѣсь все еще такъ благочинно.
Семейную тихую радость вкушать
Умѣемъ мы мирно, невинно.

„Останься; здѣсь будетъ привольно тебѣ;
Стоимъ на пути мы прогресса;
Ты самъ это вѣрно замѣтить успѣлъ,
Свободнѣе стала и пресса.

„Самъ Гофманъ*) черкать манускриптовъ твоихъ
Не станетъ, какъ въ годы былые
Черкалъ онъ безбожно по цѣлымъ листамъ
Картины твои путевыя. —

„Ты также старѣе, добрѣй становясь
Войдешь въ соглашенье со многимъ,
И даже прошедшему времени ты
Не будешь судьей слишкомъ строгимъ.

*) Цензоръ перваго изданія сочиненій Гейне.

„Все выдумки будто такъ скверно жилось
Бывало въ любезной отчизнѣ:
Отъ рабства всегда мы могли убѣжать —
Какъ въ Римѣ, — лишивъ себя жизни.

„Въ свободѣ изрядной жилъ черный народъ,
Массъ темныхъ — никто не касался.
Тѣснили все больше одно меньшинство,
Того, кто печатать рѣшался.

„Начальство благое безъ формы суда
Казнить никого не хотѣло;
Враговъ даже личныхъ судили, но какъ —
А! это другое ужъ дѣло.

„Такъ, жертвой насилія не былъ никто, —
Ни даже архи-демагоги.
Отъ смерти голодной въ нѣмецкой тюрьмѣ
Никто не протягивалъ ноги.

„При томъ процвѣтали у насъ въ старину
Отрадныя сердцу явленья:
Незлобіе нрава, ума простота,
А нынче расчетъ и сомнѣнье.

„Поэзіи гаснетъ священный огонь,
Фантазіи вымыслъ богатый:
За рядомъ умершихъ царей отошелъ
И Маврскій король Фрейлиграта*).

„Безъ хлѣба потомство авось не умретъ,
Но миромъ едва-ль насладится;
Къ намъ близится съ шумомъ воинскій сумбуръ,
Съ идиліей должно проститься.

„О, если-бъ ты могъ помолчать! я тебѣ
Открыла бы тайнъ сокровенныхъ
Зерцало; ты-бъ въ книгѣ судебъ прочиталъ
Событья временъ отдаленныхъ.

„Что смертнаго глазъ не видалъ никогда
Тебѣ бы открылось неложно —
Вся будущность нашей отчизны, — но ахъ!
Молчать для тебя невозможно!“

---

*) Der Mohrenkönig — поэма Фрейлиграта, осмѣянная въ поэмѣ Гейне „Атта Троль“.

— Ахъ, Богъ мой! вскричалъ я, великое мнѣ
Доставила-бъ ты наслажденье
Германіи милой открывши судьбы,
Молчать во мнѣ будетъ терпѣнье.

Готовъ я поклясться чѣмъ хочешь, сейчасъ —
Ни слова — о томъ, что покажешь!
Скажи ты мнѣ только — манеромъ какимъ
Принесть эту клятву прикажешь?

Она же въ отвѣтъ: „О, мой другъ, поклянись
Ты тою мнѣ клятвой священной,
Что взялъ Авраамъ съ Елизара-слуги,
Собравъ его въ путь отдаленный.

„Ты руку на чресла мои положи
Поднявши мое одѣянье,
И тайну хранить нерушимо клянись
Всегда и въ рѣчахъ и въ писаньи!“

Торжественный мигъ! былъ какъ будто объятъ
Далекихъ вѣковъ я дыханьемъ,
Когда я священный обрядъ совершалъ
По праотцевъ древнимъ преданьямъ.

Я руку на чресла ея положилъ,
Поднявши ея одѣянье, —
И тайну хранить нерушимо клялся
Всегда и въ рѣчахъ и въ писаньи.

Глава XXVI.

Гаммонiи щеки пылали огнемъ, —
Отъ рому — шумѣло въ коронѣ
Слегка у нее знать, — и рѣчь повела
Тутъ въ самомъ довѣрчивомъ тонѣ.

„Старѣюсь,“ — сказала — „нашъ Гамбургъ стоитъ
Со дня моего вѣдь рожденья.
Мать-Эльба царицей рѣчною была:
Тамъ были ея и владѣнья.

А батюшка мой императоръ былъ Карлъ
Великiй; Германско-Французскiй
Владыка; сильнѣй и мудрѣе еще,
Чѣмъ Фридрихъ второй, король Прусскiй.

„Хранятъ еще въ Ахенѣ мраморный стулъ,
На коемъ на царство вѣнчался;
Но стулъ, на которомъ до вѣтру ходилъ,
Отъ матушки тотъ мнѣ достался.

„Наслѣдство не важное, думаешь ты,
Наружности самой онъ скромной;
Но вѣрь, что за стулъ этотъ я не возьму
И Ротшильда кассы огромной!

Вотъ тамъ въ уголкѣ онъ стоитъ, посмотри,
Уже поистерлось сидѣнье,
Сафьянная спинка, подушка его
Добычею стали истлѣнья.

„Но ты подойди, вскрой покрышку его,
Всунь голову глубже въ средину: —
Увидишь волшебный внизу котелокъ —
И въ немъ роковую картину.

„Увидишь Германіи будущность всю —
Рядъ дикихъ, туманныхъ фантазмовъ;
Но мужественъ будь и назадъ не бѣги
Отъ ѣдкихъ зловонныхъ міазмовъ!“

Сказала — и хохотомъ вдругъ залилась,
Однако я тутъ не смутился,
Но къ креслу волшебному смѣло шагнулъ
И внутрь головой опустился.

Что глазъ мой увидѣлъ — сказать не могу, —
Въ томъ клятву священную далъ я. —
Едва ли могу разсказать и о томъ,
Что носомъ своимъ обонялъ я.

Мнѣ душу воротитъ при мысли одной,
Какой вдругъ изъ стула поднялся
Убійственный запахъ, онъ смѣсью гнилой
Капусты и юфти казался.

Нѣтъ, смрада подобнаго, вони такой
Изъ смертныхъ не вынесъ никто-бы,
Казалось, что вдругъ тридцати шести ямъ
Помойныхъ открылись утробы!*)

Столѣтнихъ народныхъ недуговъ лечить
Нельзя намъ водицей душистой —
Въ Собраньи Народнаго Блага сказалъ
Сенъ-Жюстъ, патріотъ этотъ истый. —

Но родины милой грядущихъ судебъ
Такъ ѣдки зловонія были,
Что выдержать дальше я пытки не могъ;
Мнѣ силы мои измѣнили, —

*) Въ это время въ Германіи было 36 владѣній.

И чувствъ я лишился. Когда-же опять
Очнулся — увидѣлъ, что мирно
Покоюсь въ объятьяхъ богини моей,
У ней на груди, — на обширной.

Тутъ взоръ ея вспыхнулъ, зардѣлись уста,
Обнявши рукой меня смѣло,
Въ вакхическомъ, страстномъ экстазѣ она
Вдругъ голосомъ дикимъ запѣла:

„Есть въ Ѳулѣ далекой могучій король,
Онъ кубокъ безцѣнный имѣетъ,
Когда же изъ этого кубка онъ пьетъ —
То плачетъ и съ горя хмѣлѣетъ.

„Тутъ всходитъ на умъ ему всякая блажь
И поретъ онъ чушь, небылицу. —
Способенъ, пожалуй, въ денечекъ такой
Тебя онъ упрятать въ темницу.

„Не ѣзди ты въ Ѳулу, не ѣзди дружокъ,
Тамъ воздухъ зловредно-тяжелый,
Жандармовъ, полиціи ты берегись,
И всей исторической исколы.

Останься со мною здѣсь въ Гамбургѣ, другъ,
Останься, мы счастливы будемъ,
Мы будемъ ѣсть устрицъ, винцо попивать,
И всѣ прорицанья забудемъ.

„Скорѣе покрышку на кресло накинь,
Чтобъ вонь его намъ не смутила
Отрадныхъ минутъ этихъ. Вѣрь, никого —
Я такъ какъ тебя не любила.

„Цѣлую тебя я, и чувствую какъ
Меня вдохновляетъ твой геній,
Давно поэтическихъ, сладкихъ такихъ
Ужь я не вкушала мгновеній.

„Мнѣ чудится будто нахтвехтеровъ хоръ
Я въ улицахъ слышу гремящій,
Среди гименеевъ и брачныхъ огней
Къ намъ близится поѣздъ блестящій.

„Роскошно одѣтыхъ приспѣшниковъ рядъ
На убранныхъ коняхъ гарцуетъ,
И яркими факлами гонитъ онъ мракъ
И факельный танецъ танцуетъ.

„Во слѣдъ выступаетъ маститый Сенатъ,
Гражданское, мудрое вѣче,
И кашляетъ важно уже бургомистръ,
Готовясь къ затверженной рѣчи.

„Въ блестящихъ парадныхъ мундирахъ идетъ
Сонмъ тонкихъословъ-дипломатовъ.
Они поздравленья невѣстѣ несутъ
Отъ разныхъ сосѣдственныхъ штатовъ.

„А вотъ и духовныхъ процессія лицъ:
Сѣдые раввины, пасторы —
Но Боже! За ними и Гофманъ злодѣй,
Твой цензоръ — на вырѣзки скорый!

„Огромныя ножницы блещутъ въ рукахъ,
Желѣзо ихъ вдругъ заскрипѣло, —
И лучшее мѣсто тебѣ, о мой другъ,
Онъ варварски вырвалъ изъ тѣла!“

Глава XXVII.

Что дальше случилось со мной въ эту ночь
Читатель, теперь помолчу я.
Когда нибудь послѣ, въ пріятный денекъ
Пожалуй, о томъ разскажу я.

Отродье противное старыхъ ханжей
Уже очищаетъ дорогу,
Чахоткой хвораетъ и быстро оно
Ложится во гробъ, слава Богу!

И новое племя выходитъ людей
На поприще жизни, ликуя,
Съ свободною мыслью, съ свободной душой —
Тѣмъ юношамъ все возвѣщу я.

Значенье поэта и мысли его
Они глубоко понимаютъ,
И юное сердце у сердца его
Свое какъ птенцы согрѣваютъ.

Какъ солнце горитъ мое сердце и свѣтъ
Готово излить всему міру.
Мнѣ Граціи сами своею рукой —
Настроили звонкую лиру.

Ту самую лиру, на коей гремѣлъ
Отецъ мой въ собраньяхъ народныхъ,
Блаженныя памяти Аристофанъ,
Любимецъ Каменъ благородныхъ.

Ту лиру, на коей Пайстетера онъ
Воспѣлъ и его Базилею,
Того, что въ воздушное царство хотѣлъ
Съ земли возлетѣть вмѣстѣ съ нею*).

Въ послѣдней главѣ подражать я хотѣлъ
Слегка драмѣ „Птицъ“ заключенью:
Изъ всѣхъ сочиненій отца моего
Всѣхъ лучше она безъ сомнѣнья.

---

*) Пайстетеръ и Базилея — дѣйствующія лица Аристофановой комедіи „Птицы“. —

И драма „Лягушки“ отлична. Даютъ
Въ Берлинѣ ее; представленья —
Какъ слышалъ я, очень смѣшатъ короля;
Онъ просто отъ нихъ въ восхищеньи.

Да, жалуетъ древнихъ Лягушекъ король. —
Классически знать образованъ. —
Покойникъ напротивъ, тотъ новыхъ квакушъ
Былъ кваканьемъ весь очарованъ.

Король любитъ пьесу; но если-бы живъ
Былъ авторъ ея, я формально
Совѣтъ ему далъ бы, чтобы онъ никакъ
Не ѣздилъ въ Берлинъ персонально.

Хоть въ модѣ „Лягушки“, но автору ихъ
Не сладко-бъ въ Берлинѣ жилося;
И скоро-бы съ хоромъ жандармовъ лихихъ
Увидѣть его довелося.

Въ театрѣ не хлопать, — а шикать, свистать
Позволено-бъ публикѣ было —
Полиціи дали бы строгій приказъ,
Чтобъ автора живо накрыла.

Король! ради пользы твоей говорю,
Не презри совѣта благого:
Съ поэтомъ умершимъ что хочешь твори,
Не тронь ты поэта живаго!

Поэтовъ живыхъ берегись! въ ихъ рукахъ
Ужасные громы и пламя.
Ужаснѣе Зевсовыхъ; — громы вѣдь тѣ
Поэты придумали сами. —

Пожалуй хоть всѣхъ и боговъ обижай,
Олимпа-ли, неба-ль инаго, —
Зевесъ ли то будетъ, иль самъ Егова —
Не тронь ты поэта живаго!

Бываютъ конечно за наши грѣхи
Жестоки боговъ воздаянья,
Огонь преисподней изрядно печетъ,
Не легки въ аду наказанья.

Но есть и святые заступники. Насъ
Молитвой они выручаютъ;
Обѣдни, поминки, раздача грошей —
Изъ тяжкихъ мытарствъ выкупаютъ.

Въ концѣ же временъ вновь на землю сойдетъ
Христосъ и имъ адъ сокрушится,
И судъ онъ надъ міромъ хоть строгій свершитъ,
А все же иной отвертится.

Но есть преисподняя; есть адъ другой
Откуда ужь нѣтъ избавленья,
Напрасны молитвы, безсильно само
Спасителя тутъ заступленье.

Не знаешь-ли Дантова Ада и какъ —
Его безпощадны терцеты?
Кто можетъ избавить, когда попадешь
Ты въ этотъ адъ волей поэта? —

Ни Богъ никакой, ни Христосъ не спасетъ
Отъ этихъ огней; берегися
Король! этихъ звучныхъ, пѣвучихъ огней —
И мести поэта страшися.

ВЕЙМАРЪ:
въ типографіи
Г. Ушмана и Ко.

WEIMAR:
Druck von
G. Uschmann & Co